

СИБИРИАДА

МАРИЯ
БУШУЕВА

Рудник

Мария Степановна Бушуева
Рудник. Сибирские хроники
Серия «Сибириада»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42695283

Рудник. Сибирские хроники : роман, повести / Мария Бушуева: Вече;

Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-7855-0

Аннотация

«Рудник» – это роман в рассказах, связанных не только общими героями, но и эпохой: Сибирь от середины XIX века до предреволюционных лет XX века и наших дней. В основе событий – судебное дело 1870-х годов на алтайском руднике при Колывано-Воскресенских заводах, польская каторга и иркутская ссылка, предреволюционные годы в Красноярске и красный террор в Хакасии. Высвечивая яркие судьбы героев, автор сумел, по словам писателя Михаила Щукина, воссоздать «настоящую картину прошлой жизни и судеб».

Содержание

Рудник

4

Конец ознакомительного фрагмента.

116

Мария Бушуева

Рудник. Сибирские хроники

Рудник

*...но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах...*

А. Пушкин

Когда же взошло солнце, то озарило находившуюся верстах в восьми впереди нас пологую куполообразную гору, на вершине которой были видны строения. По удостоверению Коптева, это был Сугатовский рудник. При помощи моего слугителя лошади были нами найдены довольно скоро, но ямщика не было, и мы без него решились ехать прямо в Сугатовский рудник, переехали вброд речку Вавилонку и начали подниматься на шестиверстный подъем, который и проехали благополучно. Сугатовский рудник был одним из богатейших железных и серебряных рудников Алтая. Сугатовская гора состояла из порфира, прорезанного итком чистого железняка и заключавшего еще много мягких охристых рассыпных руд. Рудник исполнял

в то время ежегодно наряд в 250 тысяч пудов руды, содержание которой показывалось в 13/4 золотника серебра в пуде руды. От Сугатовского рудника дорога на протяжении 12 верст спускалась к реке Убе, которая здесь уже вышла из горной долины и текла свободно в невысоких, но крутых берегах довольно быстро и широким разливом. В трех верстах после переправы через нее находилось уцелевшее селение Николаевского рудника, хотя рудник уже не действовал, а на нем производились только разведки.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Путешествие в Китай

Не все мертвые хотят, чтобы вмешивались в их жизнь потомки или историки-исследователи. Лампия просто возмутилась, когда ей рассказал свой сон ее муж, горный кандидат Илья Ярославцев, который должен был вот-вот начать получать чины, а ему, сыну камнереза, но потомку шихтмейстера, разжалованного и за тяжелую провинность отправленного в Змеиногорский рудник уже кандалным каторжанином, ох как этого хотелось. Ведь только двоюродному деду отца удалось после Барнаульского горного училища получить чин и вступить в казанское дворянство, а и дед, и отец Ярославцевы так и оставались простыми камнерезами. Правда, отец и рисовальную школу окончил, и медаль за свою работу имел. Да что с того? С ним начальство за руку все равно не здоровается!

Но все рухнуло: оклеветан Илья Ярославцев и отстранен

от должности, – а в его ведении находился Сугатовский рудник. И кем! Другом их семьи, прямым его начальником, управляющим сереброплавильными и медными рудниками Кронидом Маляревским, с которым у Ильи Дмитриевича было на двоих 250 десятин земли, засеянной пшеницей, – это не считая своих полей, от него отдельных, – ангары, полные зерна, пастбища, где паслись общие овцы, кузница – фабрика, где делались плуги и другой хозяйственный инвентарь... Все это и задумал, видимо, прихватить ловкий управляющий. К чему, мол, делиться? Он хотел и излишки руды оставлять лично себе, просил подчиненного не вписывать их в отчеты горному начальству, да отказался Илья Дмитриевич – с того их конфликт и пошел: испугался ловкий Кронид, тут же подпоив кого надо да и приплатив неграмотным рабочим, обвинил Илью Дмитриевича в проступках служебных – и уволил. Теперь вот только решил Ярославцев сообщить в рапорте об аванюре Маляревского и обратиться к начальству с просьбой разобраться в деле и вернуть должность – ну, пусть не в обжитом и любимом Сугатовском, хоть в другом руднике, но вернуть.

От Крониды вчера прибыл нарочный с устной угрозой: не забереешь рапорт начальству – уничтожу. А главное, с приказом: съехать из большого казенного дома, в котором жила десятый год вся семья, в два дня.

Точно ураган сорвал крышу; все дорогие сердцу вещи: тяжелый дубовый шкаф с черным узором, темно-коричневые

стулья с гнутыми спинками, яшмовые, отцовской руки вазы и картины, купленные в Барнауле и Петербурге, теснящиеся на этажерках книги, до которых Ярославцев был сильно охоч, мгновенно взвились в воздух и, рухнув на землю, стали обломками и трухой.

– Мне сон приснился нынче, – сказал Илья жене, – будто уже совсем другое время, какой-то стол, а на нем что-то вроде окошка точно с живыми фигурками и движущимися словами, и женщина, может, она и какая-то нам родня, вроде из потомков наших с тобою, это так, сильно смутно, и вот сидит она возле этого окна и нас с тобой в него видит, и начинает она писать книгу, в которой мое честное имя будет очищено от налепленной Кронидом грязи.

– Зачем это?! – возмутилась Лампия. – Не нужны нам чужие оправдания! Сами все докажем! Нечего вмешиваться в нашу жизнь!

И она пошла быстрым шагом, а он, на минуту приостановившись, поспешил за ней: невысокий, хрупкого сложения, но не узкоплечий.

* * *

Разумеется, я сразу поняла, что приснилось Илье Дмитриевичу. Рассматривая старинные фотографии 70-х годов XIX века на мониторе компьютера, сканированные и многократно увеличенные, я вглядывалась в очень красивое, но суро-

вое лицо Лампии – и ощущала идущее от нее сильнейшее сопротивление. До этого мне прислали из архива документы – и в затяжной истории с их поиском, а потом потерей и обретением, уже почти случайным, в порванном конверте в чужой московской коммуналке, тоже была мистика: Лампия упорно не желала никакого вмешательства в их с Ильей судьбу. Грубо говоря, плевала она на потомков.

* * *

Тот, кто впервые видел Колыванское или Саввушкино озеро, останавливался в изумлении: точно застывшие горные замки и горные духи окружали его причудливые камни: спустились с гор духи, смеясь, заплясали у воды – да вдруг остановила их чья-то магическая рука, с тех пор, окаменев, так и стоят – точно танцуют... Илья любил эти места, любил тропинки, поднимающиеся среди острых невысоких скалистых сопок, петляющие между ними как бы для того, чтобы преследователь потерял след бегуна – а сколько бегунов укрывалось в алтайских пещерах – счету нет! – любил здешний воздух, легкий, живой, смотрящий синими глазами в твои глаза, любил ветер, приносящий иногда сухие головки сорванных бурей цветов, и, когда встретил черноволосую, зеленоглазую красавицу Лампию, показалась ему она самой владычицей этих таинственных окаменевших духов, может, своей рукою и остановившей – ради вот этой странной кра-

соты – много веков назад их вольный танец...

– А если правду – все беды твои, Лампия, от любви, – так назавтра сказала ей мать. – Илья твой только был из горного училища – гол как сокол. И тебе ли, красавице, самой богатой невесте, было выходить за него? Осталась без приданого, половину сразу отписал старик наш Саше, и правильно. Ведь хоть и все мы русские, но бабушка-то моя была дочкой джунгарского хана, князя то есть! А он кто? Сын камнереза! Как ты могла!

Повернулась Лампия и прочь из родительского дома. Ни света, ни тепла здесь. Одни счета да расчеты. Даже углы колючие.

Сказала, оглянувшись:

– У него отец такие вазы делал – заглядишься! Красоту жизни они мне открыли. И много книг прочитал! И живем мы в любви и полном согласии, не как вы с отцом – нос друг от друга воротите, ласкового слова вашего друг к дружке с детства я не слышала. Ты за богатство выходила, а я за любимого.

И дверью шарахнула, точно мужик.

Характерец, однако, у дочки. Своенравная, упрямая, высокомерная. А что с ней теперь сделаешь? С младенчества такая. В отца, в родного батюшку. А что живем мы с ним как кошка с собакой, верно: в меня сын мой Сашенька, ласковый да увилистый, вот и я все стараюсь, чтобы в доме не было ссор да свор, а даже запах псины кошке-чистюле противен.

Вошла в свой – да какой свой, теперь чужой – дом Лампия уже мрачнее тучи. Она и так была сурова да строга, по мнению кормилицы Анюты, хотя и пальцем никого не тронула: ни прислугу, ни детей. Сын, Сережа, очень красивый мальчик с тонким лицом, сероглазый в отца, уже учился в Барнаульской мужской гимназии, собирались на следующий год отдавать учиться и среднюю дочь, Наташу, очень добрую девочку с длинной русой косой. А маленькая Ольга еще только осваивала первые шаги на подрагивающих толстеньких ножках – и пугалась, когда Аня выпускала ее крохотную влажную ладошку, пахнущую молоком и медом, из своей большой теплой руки.

– Лампия Никитична, а когда съезжать-то? – Анята, в отличие от хозяев, давно мечтала перебраться из далекого рудника в город – поближе к подружкам, которые, уехав из своего Шемонаевского, служили в богатых домах барнаульской элиты горничными и кухарками. На руднике была скука жуткая для Анюты. Только вот милая малышка Олюшка и забавляла. А так – словом не с кем перемолвиться: охраняющие рудник казаки все женатые да страшные: Анята была из староверов-«поляков», и казаков в ее семье еще с той давней-предавней поры высылки на Алтай с белорусской Ветки невзлюбили, и нелюбовь передавалась из поколения в поколение, уже потерявшая первопричину, точно иголку в стоге лет.

Не ответила Лампия. Окинула быстрым, хмурым взгля-

дом дом: сердце дрогнуло. Все. Конец. Но засветилась свечой на черном стекле окна надежда: Илья отправил прошение с просьбой перевести его на другой рудник – может, разберется начальство? Поймет, что Маляревский казнокрад?

* * *

Отец Лампии был, прямо скажем, не беден: имел две небольшие фабрики – на одной сбивали масло, на второй пекли хлеб – и состоял в купеческой гильдии. Работники, один из которых звал его втихаря не Егорычем, а Горынычем, боялись даже его тени: суров был, хоть и не зол. И когда расчеты, которые он скрупулезно вел сам, не сходились, никогда не вникал, кто прав, кто виноват – работники или приказчик, – соберет их всех разом в один кулак, вскинет его гневно и разожмет – так они от него и сыпались, точно сор, в разные стороны, тут же разносимый ветром, но после беглого хозяйского презрительного взгляда взвихренной шелухе вослед быстро заполняли образовавшиеся пустоты другие, и снова дело шло. А род свой он вел от далекого новгородского стрельца, сына боярского Ивашки Карпова; правда, отец его, Егор Тимофеевич, приехав на Алтай по торговым делам, влюбился страстно и женился на красавице дочке счетовода, прадед или даже прапрадед которого был тоже сослан вместе с другими раскольниками на Алтай из пограничной с Польшей Ветки, и потому-то их потомков, расписывающих ярки-

ми цветами свои необыкновенно чистые деревенские дома, здесь звали поляками. А сам Никита Егорович был женат на дочке горнозаводского фельдшера Еропкина, человека хоть и довольно образованного – рано умершие его родители: переселившийся на Алтай омский штаб-лекарь Андрей Васильевич Еропкин и жена его, дочь давно обрусевшего аптекаря Осипа Берга, успели дать сыну гимназическое образование, – но пьющего. Ни Карпов Никита Егорович, ни его тесть Андрей Андреевич Алтай не любили. Первого здесь держала выгодная торговля, второго – безволие. Жена Никиты Егорыча, то есть мать Лампии, считалась бы, возможно, красивой – не будь сильно щуплой, в свою нерусскую прабабку, черная и узкая, как шило, да с птичьим веком, как говаривали местные старухи: по матери своей она была корнем от мелкого джунгарского хана, то ли попавшего в плен к русским казакам, то ли разоренного ими и добровольно перешедшего на сторону победителей.

Никита Карпов первым построил в здешних местах каменный дом – одноэтажный, с необычными луковичными оконцами; на пороге этого дома Илья, только что прошедший весь курс наук в Барнаульском горном училище, а теперь порой робко мечтавший о Петербургском горном институте, и встретил свою будущую жену. Огромный сноп света тогда упал на него и, мгновенно в себя вобрав, закружил, будто в гигантской светящейся лампе. Ослеп Илья на миг от девичьей красоты: сверкнули, пронизав солнечный столп,

зеленые лучи. А потом затуманились будто, помягчили изумрудные стрелы – внезапный теплый ливень промчался, и сказочно яркая радуга над горизонтом взошла...

Согласия на замужество дочери старик Карпов не дал:

– За офицера выходи, вон к тебе сватался весной сам капитан Савельев, за него я горой стою, так ты нос воротишь, а за голоштанного этого ни за что не разрешу, а против воли моей пойдешь – всего лишу, уже Александр подрастает, все отдам ему.

Но нашла коса на камень. Характером пошла дочь – ведь права мать – в отца.

– Ах так, – сказала, – лишай! Люблю и за любимого выйду, а твой капитан... как... как... как... – Она хотела подобрать слово поядовитей, да вдруг расплакалась, тут же озлилась на себя за свою слабость и горько засмеялась сквозь слезы: – Как пустая порода!

– Разрешил бы ты, отец, замуж за Илью ей пойти, – стала уговаривать его назавтра мать, – умный он, и не черной он кости, это ж видно, а отец его каков – скромный, тихий, а талант у него ведь настоящий, прадед-то его или даже дед был горный офицер, ну пусть и невеликого чину, говорят, пугачевцам бежать помог со Змеиногорского рудника, вот в рудник потом сам в кандалах и попал, лишился всего, обрек семью на жалкую жизнь, а мать его, царствие ей небесное, была младшей дочкой пономаря, правда, тот умер рано, вдова-то его, мать Ильи, в жалкой нищете детей поднимала, от-

того потом второй раз за мастерового с горя и пошла, он яшму для царицы ваз резал...

– За голоштанную нищету чтоб я красавицу дочь отдал?!
Никогда!

Скрипнули половицы, вроде по ним пробежал кто-то. Отозвался гудением шмель, влетевший в окно, стукнувшийся о стекло и тут же вылетевший на волю.

– Никогда!

* * *

Любили колыванские старики рассказывать про «царицу ваз» – красавицу из ревневской яшмы, что изготовлена была на Колыванской шлифовальной фабрике, построенной в 1802 году на месте медеплавильного завода Акинфия Демидова и долго именовавшейся «фабрикой колоссальных вещей». По размеру и весу не имела ваза себе равных: «Чаша сия в поперечнике 7 аршин, а высотой 3 аршина 10 вершков, весом более 1200 пудов». Работа над «царицей» длилась более 11 лет. Сначала работы шли в каменоломне. 230 человек под началом Колычева вытащили камень, – что там бурлаки на реке! – здесь, считай, скалу тащили, удивлялись старики, пересказывая в который раз историю чаши, а уж затем наши молодцы-камнерезы встали к обтеске верхней части чаши – зовется она у нас полотенцем. Год обтесывали. Потом пошло выняtie внутренности долотною работою – надо ска-

зять, сильно кропотливый труд, обтесывали, шлифовали, полировали – и ведь все вручную, да дело сложное, тут осторожность нужна, ведь резали долотами, была бригада резчиков, человек сорок, вели они долго да кропотливо резьбу орнамента. А закончили наконец, повезли царицу в Санкт-Петербург на четырех санях, запряженных 154 лошадьми.

– Да нет, сто шестьдесят было, померли в дороге четыре коня, – уточнял другой дед.

– А руководил перевозкой сам бергешворен Ивачев. Да какой он «сам», когда тоже нашенский, внук колыванского мастерового! Головастый просто, вот и выбился. Так и везли, дивили народ – через Барнаул, оттуда по реке Чусовой – и в великий город Петра. И до 1849 года стояла наша бедная царица под дождем и снегом, потому что не знали, как ее и куда внести из-за ее гигантских размеров и веса. Не по зубам, выходит, им наша сибирская силища оказалась. – Старик-рассказчик гордо поверх всех глянул на дымчатую полосу Синюхи. Вздыхнул: – Э-эх, Алтай-батюшка, куда им до нас, а? И вот стояла под дождем и снегом красавица и сначала только усмехалась над петербургскими зеваками, а потом и смеяться стала в полный свой голос.

– Уж прямо и так, – усомнился другой дед, слышавший эту историю уже множество раз, но снова и снова удивляющийся неожиданным ее поворотам.

– А вот и прямо и так. И, говорят, ее смех стали во дворце слышать, тогда испугались там и велели стенку дворцо-

вую разобрать, и 770 рабочих ее подняли с улицы в зал. Там и стоит она ныне. Забыл сказать: все вокруг вазы собака белая бегала и брехала. Графская собачка, а когда граф-то вышел из кареты посмотреть, что за диво его жучка облаивает, то пленился так красотой царицы ваз, что попросил отослать его служить на Алтай. А внук-то Ивачева, наоборот – это который перевозкой руководил – начальником над всею нашей шлифовальной фабрикой сначала стал, – добавлял, усмехнувшись, рассказчик. – Да, говорят, проворовался, сняли его, он в Петербург-то и удрал, след в след за царицей.

– Ой, уж ты сильно загнул, – возражал другой старик. – И не проворовался, брешут люди, как псы, по зависти, просто дело захирело, фабрика вон еле дышит, так он и уехал, где жизнь получше. Жена его все наряды из Парижу выписывала, а сестра ее двоюродная была замужем за шибко богатым управителем Сугатовского рудника, который главному механику Ярославцеву Павлу Григоричу был родня, племянник внучатый вроде, вот этот-то уставщик-то был с должности снят, а совсем не Ивачев. И брат его у него вел дела, Яков, рыжий такой, потом на дочке хватографа женился, в Барнауле теперь.

– Да кто тебе сказал, что он великому тому механику родня? Он капитану Ярославцеву, начальнику вашему бывшему, родня, да и наш-то возчик тоже им кем-то приходится, в роду оно вона как – на всех красивых мест не хватает... Хо-

тя, может, и все они одного корня... А уставщик-то чист, как слеза младенческая, человек он хороший, и рудник его своим хозяином признал, руду исправно дает, а дурней-то рабочих временных, которые и знать никого и ничего здесь не знают, подпоить и жалобу заставить подписать дело нехитрое, а за других, кто и писать-то сроду не умел, подлый казак Пронька нацарапал, чтобы начальству услужить.

– А чего им не угодил Сугатовский-то? – спросил рассказчика второй старик, закуривая.

– Да народ по-всякому говорит. Кто из-за богатства, это, выходит, чтобы все присвоить, а кто – что из-за его жены-красавицы горный начальник голову потерял и ее мужа решил угробить. Вот и разберись...

* * *

Кронид и сам не мог понять, что творится в его душе (а куда уж, заметим в скобках, старым мужикам в ней разобраться). Третьи сутки лил дождь, все низовые дороги размыло, лишь горные каменистые тропы, с которых вода стекала, журча, на время застаиваясь только в узких прорехах земли, оставались годными для передвижения людей и зверей.

Кронид смотрел в ночное окно, почти не мигая. Его круглые светло-карие глаза казались обращенными взором не вовне, а внутрь, а часто потеющий нос, загнутым концом

своим даже ему самому напоминающий клюв, – сравнение, устойчиво живущее и сейчас в общелюдском сознании, – отражался в черном стекле, точно белеющий полумесяц.

На небе-то не было видно ничего. Мрак.

Если бы несколько лет назад ему, выпускнику Петербургского горного института, кто-нибудь сказал, что он напишет фиктивный донос на честного человека – фактически убьет его и разорит семью, – Кронид бы не поверил. Но ведь написал. И тупорылых этих подговорил, они за лишнюю копейку и черту все подмахнут.

Через месяц-другой он богат!

А ведь может спасти семью...

Нет! Не может!

Лампия не пойдет на близость даже ради денег. Не пойдет. Гордая.

Одно слово – царица. Владычица степей. Куда этому щуплому Ярославцеву до своей жены! Да, честен, да, по-своему неглуп, на учебу сильно падок и тонкой души... И что? До дворянского звания ему карабкаться двадцать лет – а то и не успеет, помрет, а Кронид, хоть и сам священнический сын, десять поколений попов в его роду, вступив в большую должность управителя горными рудниками, сразу получил потомственное дворянство. «Десять поколений людей честнейших, надо признать... а я?»

«Не попадись Лампия на пути – уехал бы Илья в Петербург, в Горный институт, вернулся бы большим человеком,

сидел бы сейчас на моей должности. . . – Кронид то ли вздохнул, то ли усмехнулся. – А так стал рабом ее. Они с кухонной своей уж больно падки на наряды – все им выписывают, здесь, в глуши, не найти такой мастерицы, чтобы их запросы могла удовлетворить! Но та-то, сестрица Лампии, просто вертихвостка и дура душой. Эх, мужская доля незавидная! Вечно служить. То царю, то бабе. С другой-то стороны, Лампия была ведь одной из самых богатых невест – отец ее, говорят, наземь падал, на коленях ползал, потом грозил им карой смертной, отцовским проклятием, ежели она за Илью пойдет. Пошла! Любовь то есть у них случилась безоглядная. . . »

Кронид отошел от окна, глянул на икону. А его старик отец был усталым, разочарованным человеком, такой вот, как сейчас помню, рассказывал воспитавший Кронида добросердечный сосед обедневший помещик Глухов, высокий, сухопарый сельский иерей, а к тому времени, как настал срок тебе родиться, Кронид, уж смертельно больной чахоткой, через полгода и преставился. Мать Кронида, Марья Гавриловна, бывшая когда-то, по признанию собственному, в ранней молодости хорошенькой кокеткой, к тому времени посуровела от нищеты и пяти детских голов на руках, охудала лицом и телом, но было в ней что-то такое колдовское (не мне бы, священническому потомку сравнение сие употребить, да не верую я ни во что, кроме денег и чинов), это и заставило помещика Глухова, к тому времени тоже вдовствующего, но бездетного, тащить на себе десять лет все семейство покой-

ного иерея – ради только одной ее ответной улыбки. Ведь и образование смог Кронид получить благодаря Глухову. Мать и сейчас жива. И старик Глухов жив. Ему уж к восьмидесяти. И нянька Кронида Анна Карповна жива – не слышит уж ничего, спина как вон тот перевал, а все бродит по осевшему священническому дому, шурша, точно листва облетевшая, то вздыхая громко, то охая, как ветер ночной под крышей... Правда, давно не писал Кронид матери – может, уже и нет кого; приехать вот хотел, да теперь как-то душа не на месте – попутал бес связаться с этим камнерезовым сыном!

* * *

Я изменила Лампии отчество. И с этого момента все, что я писала, ее как бы не касалось. Ведь теперь моя героиня уже не та, настоящая Лампия, а сочиненная, вымышленная; напоследок она глянула на меня равнодушно, мол, какой с этих книжек прок? И, перестав бояться, что из архивных документов я вдруг да и узнаю ее тяжелую тайну, отвернулась от меня навсегда. Ведь тайна тоже стала как бы придуманной. Никакого проку – так, вечер скоротать, когда третий день льет дождь...

Прощайте, сказала я. Тайна не ваша. Она и в самом деле – сочиненная.

И тут же архивные бумаги нашлись – после трех месяцев моего поиска и нескольких недель упорных звонков в чужую

квартиру по мобильному телефону мне наконец отдала их, открыв дверь, приехавшая в столицу девушка, одетая в дешёвый халат на голое тело, некрасивая, с волосатыми ногами и неприветливым, почти злым лицом, выдающим тюркскую примесь. Я бы не удивилась, узнав, что она, сейчас снимающая здесь комнату, – с Алтая. Девушка вполне могла оказаться прапраправнучкой того самого казака Проньки, сына бийского солдата и телеутки, мерзкого Проньки, подмахнувшего из страха и за копейки фиктивный донос на управляющего рудничными работами честного человека – рыжего Илью. Они все были рыжие: и мать Ильи, и брат Яков, и сестра их, смешливая Катерина, – такая вот родня подземным огням, шаровыми молниями выпрыгивающим из заброшенных штолен и блуждающим ночью по тропам, иногда заглядывая в ночные окна.

И повесть полетела легко, точно отбросив сгоревшую ступень и как бы подтверждая этой легкостью, что Лампии теперь в самом деле все равно, кто и что пишет про них с Ильей в том далеком и бездушном для нее пространстве будущего, в которое она не верила. Она жила только там и тогда – и хотела быть счастливой и богатой только там и тогда. И верила только в любовь.

Сначала я испытала даже некоторую обиду. Компьютерное время дало нам возможность приблизить ушедших – через архивные сайты, публикующие многие старые документы: памятные книжки российских губерний, списки чле-

нов губернских дворянских собраний, а также гильдейских купцов, выпускников духовных семинарий, списки горожан и многое-многое другое. И, приблизив, как бы оживить их всех, – магической силой генетической памяти, следя за движущейся, словно за окном поезда, равниной прошлого, кое-где покрытой быстрыми промельками лесов, с чертежом семейного предания в руках, а на подрагивающем столе возле вечного стакана черного чая – тонким, почти как слюда, нутбуком, облегчающим возвращение мертвых.

Но, оказывается, не всем нашим предкам это нужно. И я чувствую, кто хочет быть возвращенным, а кто, наоборот, стремится спрятаться и ускользнуть от наставленного на него бинокля потомков.

Илья Ярославцев, будучи жив, никогда не попадал со своей женой ни в малейшее разногласие – все душа в душу, все едино, – мгновенная вспышка на пороге каменного дома с луковичными оконцами, которая отпечаталась на сетчатке глаза случайного соглядатая – сосланного поляка Стефана Гриневского, – сразу, не открыв своего огненного замысла еще одного бессмертного со-творения этим двоим, расплавила и спаяла заново их души в тот платоновский идеал, о котором Гриневский, назавтра отправленный в Вятку, чтобы там и закончить через несколько лет свой жизненный путь, мечтал с юности.

И первый – и единственный – раз, когда Илья не согласился и принял свое особое решение, независимое от мне-

ния любимой жены, случился через 125 лет после его смерти: он захотел, чтобы неизвестная ему женщина, совсем не похожая ни на него, ни на Лампию, лишь унаследовавшая их родовой зеленый цвет глаз, написала о нем и восстановила его честное имя.

Я только посредник. Я только исполнитель вашей воли, ушедшие. И хотя то, что я пишу, не документальная повесть, а вымысел – не волнуйся, Лампия! – но присланные из архива на чужой адрес сканированные и перепечатанные документы, на которых повесть основана и которые мне с трудом удалось получить у гипотетической прапраправнучки гнусного Проньки – все подлинные. Прощай, Лампия. С тобой мы больше не встретимся. Еще раз подтверждаю: та женщина, которая под твоим именем живет теперь в моей повести, – не ты. И лишь любовь, отделившаяся уже от вас с Ильей, как отделяется от камнереза завершенная им ваза, как отделяется от художника его картина, как отделилась от Творца наша Земля, я знаю, будет жить всегда, пока сохранится само это слово – «всегда»...

* * *

Марья Гавриловна в не сильно-то новом домашнем, хотя и достаточно изящном платье сидела против раскладывавшего пасьянс Глухова, с нежностью поглядывая на его поседевшие виски и усы, когда-то черные как смоль (сравненьице, по-

черпнутое ею из роковых романов, коими зачитывалась она в отрочестве). Давно почившего священника, отца ее пятерых детей, она почти забыла, только порой, когда сумерки накидывали свои мягкие ковры и чехлы на поскрипывающие половицы и тяжелую старинную мебель, чудилось ей, что в дальней комнате кто-то молится, и голос молящегося, приглушенный и глуховатый, как-то легко, через звучание свое перетекал в фамилию ее теперешнего мужа, который любил подремать на старом диване в гостиной в тот смутный час, когда ночь еще медлит, а день уже отступил.

– Письма что-то давно не было от Кронидушки. – Марья Гавриловна слегка качнулась в кресле, и рыжий кот, дотеле сладко спавший на ее коленях, поднял во сне уши. – А мне сон какой-то дурной про него был... Точно тарантас его перевернулся, он из-под него-то вылез, вроде живой, но весь, с ног до головы, в грязи, одежда порванная, он ладонями-то пытается дыры прикрыть на стыдных местах. А у тарантаса колеса отвалились, одно наверху торчит, а три по сторонам откатились. Вижу, одно в траве, а на двух холмах два других колеса лежат, один-то холм поболее, а второй крошечный, и как-то, во сне я думаю, нехорошо им там лежать. Пригляделась, смотрю – а это могилы. Испугалась, оглядываюсь, где Кронидушка, а он уже далеко, идет один по дороге пешком.

– Ну ведь жив.

– Жив, Господь и во сне миловал, дай-то Бог и наяву так!

– Пасьянс заковыристый, однако. – Глухов улыбнулся. –

Сразу не разгадаешь, как новая комбинация – так и начинай сначала!

– А ты чайку попей, там булочки свежие да пирожки с брусникой, а я пойду вот в сад выйду, понюхаю любимый мой куст шиповника, а потом стану письмо Кронида писать.

В саду было влажно после полуденного дождя, с темной листвы, усыпанной улитками, иногда еще слетала на траву невысохшая капля, то будто сверкнув кошачьим глазом, то совершенно невидимая – только по какому-то ее тоже почти неслышимому звуку, по едва уловимому движению Марья Гавриловна догадывалась: еще одна капля упала в траву. Иногда Глухов выходил следом, медленно шел по тропинке сада и, дойдя до старой беседки, когда-то чисто белой, а теперь с пестреющей на самом высоком месте сада, с которого было видно озеро, обрамленное ветками и листьями, окликнул Марью Гавриловну, замешкавшуюся у своего цветущего куста шиповника, всегда зная, что она откликнется на его зов сразу, с той чуть лукавой, чуть застенчивой улыбкой, за которую он и любил уж столько лет и о которой гадал не реже, чем над пасьянсом – так какая же она – больше с женской своей лукавостью или все-таки застенчивая, как в девичестве, и то, что такая родная жена оставалась для него как бы всегда не до конца прочитанным романом, не завершенным пасьянсом, наполняло его душу каким-то юным счастьем.

И часто проплывающий по озеру на лодке рыбак видел на высоком берегу беседку с двумя неподвижными силуэтами.

Они и сейчас там.

* * *

Казак Пронька Хромцев сугатовского управителя Илью Ярославцева и знать не знал – прислали его из Бийска к нему в подрядчики всего только назад с месяц как, и никакого зла от начальника нового он за эти два месяца не видел – ну, поволочился сперва с приезде за рудничной девкой, что была в няньках у ихней младшей дочки и в доме их живущая, а та сказала: «Пронька, ко мне не приставай, вы, казаки, люди грубые, а мне нужен деликатный, я за цирюльника хочу выйти, который кудри вьет и на гитаре играет». Так хозяин-то тут при чем? Проньке рыжий Яков, нарядчик, сразу все объяснил – мол, тут все, что имеется, кроме принадлежащего казне, это Ильи, то бишь ярославцевское, богатый он человек, настоящий помещик, побогаче офицеров барнаульских, и впрямь хозяин, и родня у него вся такая же, а его жены-то дед, почти уж девяностолетний бывший фельдшер Еропкин, еще и выпить может по-молодому, вот как-то спьяну-то да по старости и сболтнул, что чиновник Маляревский, который над Ярославцевым стоит, задумал у того все это богатство отнять, причем все из-за жены его, красавицы, которая ведь из протеста за рыжего-то вышла, чтоб отцу, выходит, своему досадить, наперекор его воле поступила, глупая, а согласись, мол, Егорыч, отвори ей настежь ворота дапусти кра-

савицу свою – глядишь, и жила бы она с такой-то красотой теперь в самом Петербурге. Вона как выходит, Пронька все это на ус намотал – на Якова глянул, дурень ты, подумал, чё мелешь, зачем брата своего чернишь да предаешь, няньку их опосля спросил – не любит, что ли, хозяйка-то твоя свово уставщика? Да ты, видать, белены объелся, возмутилась Анютка, у них такая жизнь, позавидуешь, в счастье живут, голуби, только глазами-то друг на дружку глянут – все и сказали, все и поняли, и я о таком муже мечтаю, о таком блаженстве, но не каждому оно дано, это ведь на небесах все предрешено...

А через три дня позвал Проньку к себе сам Маляревский. На горной дороге встретил. Ехал верхом, с охотничьим ружьем за спиной. Чтоб завтра у меня в конторе был. Прямо с утра. Сказал – и присвистнул. Или Проньке так показалось? С чего бы такой большой барин и свистел, а?

И коня Кронид пяткой сапога ткнул так, что тот от боли заржал.

И чтобы никому. Дело важное.

И Пронька, туды его в качель, ругался потом рыжий Яков, все-все, что начальник потребовал, подписал и за остальных других жалобы насочинял. Спрашивать будут – скажешь, ка-заки сами все рассказали, пусть подтвердят. И от своих слов отступить не вздумай. Да уж куда тут отступить, подумал, не сказал Пронька, в кандалы закует тогда меня, сиротинушку, этот... остроносый... А ведь не чуял – точно знал: вранье и

оговор. Казак старый Ефимка ему это сразу подтвердил: оговорил Кронид не виновного ни в чем Илью Дмитрича, чтобы, выходит, все себе забрать – вон, гляди-ка поля-то колосятся! А про любовь его к хозяйской жене брешут собаки. Ты в глаза ледяные глянь. Не способен он любить-то ничего, акромья денег, – так и сверкают в его глазах монеты-то. Больно жаден. А у кого в сердце жадность, у того места в сердце для любви не найдется.

Но Проньке Кронид приплатил. Дурню и эти гроши – богатство.

* * *

«Убогое, забытое селение рудник Николаевский, в предгорьях Алтая. Рудник брошен – расходы на содержание разной “присудари” и штата казнокрадов не могла покрыть даже богатая добыча серебряной руды. Поэтому отец ходил пешком за двадцать верст, в шахту другого рудника, Сугатовского, где, бродя по пояс в купоросной воде, добывал медь», – читаю я у Гребенщикова. Нет, не у Бориса (который мне тоже нравится) – у другого: алтайско-американского писателя, которого любил Иван Алексеевич Бунин (а он мало кого любил!), – Георгия Дмитриевича. Выходит, отец его мог работать на Сугатовском руднике под началом Ильи Дмитриевича Ярославцева? И что интересно – помню, читала, что бабушка Гребенщикова тоже рассказывала внуку о каком-то их

предке ханской крови. Не от Анюты ли, Олюшкиной няньки, пошла гулять по околорудничным селам эта легенда? А может, и там, и здесь все правда? Ханом могли прозвать – под влиянием ойратов и местного князька-зайсана...

Георгий Дмитриевич родился в 1883 году, а до 1887-го рудником руководил Илья Ярославцев – все сходится. Значит, фигурирующий в деле горнорабочий Гребенщиков – скорее всего, его родственник.

* * *

Деда своего, пономаря, Илья никогда не видел, смутные какие-то воспоминания о нем передала ему мать Наталья. Умер он рано, когда ей и четырех годков еще не было, носил он очки – как, впрочем, и отец его, кладбищенский болезненный и сублильный телом священник, тоже не доживший даже до сорока. Но не болезнь была тому причиной, а молния – мать говорила, усомнился дед в Боге, ей ее мать, бабушка Ильи, рассказывала, Евангелие читая в церкви, поднял пономарь голову и подумал: «А где же Он? Ежели я так в Него верую, а сам не знаю, как семерых детей прокормить, на одежку им как набрать, – значит, нет справедливости здесь, а там вообще ничего нет. Сколько ни глядел я туда – отпевая очередного новопреставившегося, – ничего, тьма тьмушая. И Его нет». И вечером жене в этом признался. А назавтра гроза спустилась с гор, понеслись потоки, вздыма-

ясь и стуча по камням, точно ошалелая жестокая конница, а дед, Павел Дмитриевич, шел-то как раз с вечерни. Как это было, кто знает, только соседи примчались уж после того, как все стихло. И обмывать мертвеца не потребовалось – ливень обмыл дочиста.

И сейчас, сутуло поднимаясь вверх по сопке, заросшей сухим, позвякивающим ковылем, Илья вспомнил почему-то деда. Одной ведь надеждой ныне живу, подумал горько, что разберется сразу начальство, а то ведь и до суда может прийти, не зря ли подал я сам докладную, где все злоупотребления Кронида подробно описал? Может, обошлось бы обычным порицанием и перевели бы меня на другое место?.. Но одного жалованья разве хватит на всю семью? А дом и прислуга? А поля? А стадо и фабрика? Все ведь отнимает! Господи, за что?!

А если суд, какое уж тут дело, будут разбираться долго да кропотливо, а детей-то кормить как? Ведь выгоняет Кронид! И, собрав урожай, сам его тут же продаст, деньги все себе прихватит, да что тут гадать – все уходит в кронидовский карман!.. А Наташу нужно в гимназию отдавать осенью, Сергей в третий класс переходит, а эта малая еще только лепетать начала... Ой, что натворил этот Кронид! И только за то, что отказался я содействовать ему в его злоупотреблениях, не захотел имя честное свое марать, излишки отдавать ему, а не в казну! Рудник богатый, были годы, до 400 000 пудов серебряных руд давал, а из них получить можно около

150 штуд серебра, и самородная сера в полостях выщелачивания пирита и теперь не редка. И Кронид решил сам за счет рудника легко разбогатеть! Возьмет себе старшего уставщика покладистого, не то что я, – вон пронырливый Антипин за ним собакой бегаёт, – не сам же станет рудничными работами руководить – и Антипин будет плясать под бесову Кронидову дудку.

– Эй, добрый человек! – Илья от неожиданности вздрогнул и резко остановился, отчего камешки ящерками брызнули из-под ног. – На хлеб дай.

Беглый, видно. Они здесь не редки. Народ не гонит их, молчит, ни урядникам, ни высшим чинам никогда никто об увиденном беглом не проговорится, а кто из только что сюда прибывших, еще с правилами жизни в селах староверческих незнакомых, вдруг да и выдаст – все отвернутся, презирать станут. В Шемонаихе ночью на окнах крайних домов хлеб в белом платке да молоко в кувшине. Порылся в кармане, глянув на золотые часы на цепочке, достал деньги. Такие часы бы беглого долго кормили. Прочитал его мысли – но страха не возникло: этот оборванец не тронет. Если и маячит позади него что-то кровавое – то по страсти. Достал деньги, не боясь отвести от беглого взгляд: – Бери.

– Спасибо тебе, мил человек, не много даешь?

– Мало бывает, а много нет... – Илья усмехнулся. – Иди своей дорогой.

– Да знать бы, где она, которая моя, – беглый тоже усмех-

нулся, – попутал бес мне все пути-дорожки...

Ему хотелось сбросить груз с души – исповедаться. Но Илья знал: нельзя позволить себе стать невольным свидетелем чужой жизни, пусть и только на словах. Доверится, а потом сильно стухнет, спать не сможет, от страха ворочаясь, что выдаст его встречный этот с часами не по злу, а случайно, жене вот любимой, а бабы что, удел их жалкий трепать языками да юбками... Так и до греха скатится – чтобы убрать свидетеля. Ведь беда порождает беду, а зло порождает зло. Остановить сумел их вовремя – значит, спасен.

* * *

27 Апреля 1887 года

Его Превосходительству

Господину Начальнику Алтайского горного Округа

Действительному Статскому Советнику и Кавалеру Журину

Уставщика Сугатовского рудника Ярославцева

Докладная записка

По окончании полного курса наук в Барнаульском Окружном Училище и Практического его отделения в 1872 году со званием Горного Кандидата, я, постановлением Алтайского Горного Правления был выпущен на службу в распоряжение

Г-на Управляющего Змеиногорским краем; с 1874 года я исполнял должность младшего уставщика в Таловском руднике, а с 1874 года по настоящее время исполняю обязанности старшего уставщика при Сугатовском руднике; в течение 14-летнего периода моей службы на рудниках с ответственностью короннослужащего я не получал ни одного замечания; в 1880 году был награжден серебряной медалью с надписью «за усердие»; в 1886 году – третним окладом жалованья. Г-н Управляющий медными рудниками, без предварительного заявления, в предписании от 31 Марта с. г. за № 183 предлагает освободить меня от службы. Понимая настоящее предписание как отказ от службы и не видя за собой никакого служебного проступка, вызвавшего оный, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство дозволить мне представить объяснения по этому делу.

Последовавший отказ есть следствие личных затруднений с Господином Управляющим медными рудниками из-за внимания служебных обязанностей, возникших по следующему случаю: в 1884, 1885 и в 1886 годах полученное по выработке количество кубических сажень: от каждой выработанной кубической сажени колчеданов получалось около 2000 флюсов, выход же из кубической сажени, намеченный Горным Советом, был 1500 пудов, что и записывалось на приход, отчего в течение трех лет получился значительный остаток незаприходованных колчеданистых флюсов; остаток этот Г-н Управляющий приказывал мне неоднократно лич-

но заводить на приход, показывая фиктивно плату рабочим и припасы, употребленные будто на выдачу денег, а также за излишне добытые в Сугатовском руднике руды, которыми он не успел воспользоваться. Подробности эти изложены мною в докладной записке, поданной 23 апреля сего года Господину Начальнику Алтайского горного Округа.

Не вдаваясь в дальнейшее настояние о разследовании обстоятельств, изложенных в помянутой докладной записке, я покорнейше прошу Главное Управление Алтайского Округа, объявив причину моего увольнения, выдать мне через Убинское волостное Правление копию с формулярного списка о службе моей на Алтае на предмет определения детей моих в учебные заведения, а также при представлении такового и при отыскании рода жизни в другом сословии; кроме сего, покорнейше прошу выдать мне аттестат за 14-летнюю беспорочную и усердную службу на рудниках Алтая для предъявления туда, куда сочту необходимым поступить на службу, частную или же коронную, по доставленному на последнюю правом Высочайше утвержденному Мнением Государственного Совета в 13-й день Июня 1886 года. Аттестат этот хотя бы и следовало (фраза обрезана при копировании страницы. – М.Б.) в районе Алтайского горного Округа, или если служба моя Вашему Превосходительству окажется ненужною, то покорнейше прошу совсем уволить меня от службы в Алтайском Горном Округе, применив ввиду 14-летней службы права короннослужащих, увольняемых за штат, и выдать

формулярный список и аттестат о моей службе.

Уставщик Сугатовского рудника

Горный Кандидат Илья Ярославцев.

* * *

– Илья, спишь? – Лампия приподнялась в постели, глянула в лицо мужа. Ох, правду старый шаман говорит: что чудится, то и видится: при лунном свете, идущем из окна, дробясь и подрагивая, точно тонкая прозрачная ткань от дуновения из дверной щели, показалось Лампии... Нет, остановила себя. И я сейчас, при этом свечении бледно-голубом, такая же, если глянуть. Нет. Ни за что. Не верю! Ему же только 36 лет! Глупое мое гадание. И карты выброшу.

Илья вдруг проснулся, повернулся к жене.

– Страшен Кронид, Илюша, страшен, зря написал ты о его казнокрадстве, отомстит...

В соседней комнате проснулась Олюшка, захныкала, к ней, мягко ступая, подошла вставшая с постели Анята.

– Может, правду говорят – одержим он ко мне страстью? Ведь так ладили с ним вы...

У Ильи сон слетел, как не было.

– Правду про луну говорят: мертвая царевна, – произнес он тихо. – Свет такой от нее... нехороший.

Почему-то слова мужа, так зеркально и в то же время как бы совсем невпопад от ее собственных отразившиеся, испу-

гали Лампию. Разве так говорят живые?

– Но сама-то не верю я в его любовь. – Лампия прижалась к мужу, ощутив прохладу его тонкой белой кожи. – Не верю. Хоть и... – Она хотела утаить, уж второй день скрывала от мужа те вырвавшиеся у Кронида слова, когда он, спешившись с коня и остановив ее лошадь, поднял на Лампию взгляд прозрачно-карих глаз. «Все верну, если вы... ты... – Кронид быстро повертел головой – нет ли соглядатая. – Или по миру пойдете... Зачем он начальству писал? Пусть заберет бумагу».

Вскочил на лошадь легко. Мать вспомнилась. Мелькнуло лицо отчима. Листва. Беседка. Опять лицо матери. Шелковый бант. Чей? Оглянулся: Лампия держалась в седле так же прямо, как всегда. Царица степей. Ветка хлестнула по лицу. Ничего нет в прошлом. Одни картинки. Все существующее существует только сейчас.

Но и сказать ничего не успела, как Илья снова заговорил: – Зачем начальству писал? Нечестность страшила, и теперь за судьбу детей и твою, милая, страшно. Забрать бы – да тогда ведь решат, что я в этих нечистых делах замешан, мол, раз уставщик забрал – значит, за себя боится. Поздно отступать. Ступил я с Кронидом на тропу войны, так и закон теперь как в бою: или победа – или смерть.

– Что ты говоришь?! – Лампия стала целовать лицо мужа, рыжие его брови, такие смешные, точно у лешего, и ресницы, тоже рыжие и пушистые колоски. – Не так все страшно,

мильный, не так... Докажут твою правоту быстро, все наладится, опять Сугатовский станет наш...

– Не отступит Кронид.

Жена после ласки его заснула, а Илья не спал. Ему, конечно, тоже хотелось верить, что правоту его докажут быстро, хотелось – да все чаще сомнения охватывали и опутывали: ведь если решат, что Кронид и верно казнокрад, то, значит, дело на него заведут, потом суд... а это надолго. Ох, надолго.

И Алтай-хан не спал. Где-то в горах, воровато перебираясь от пещеры к пещере, постанывал ветер. Из одной черной пещеры, малой глубиной и продолговатой формой смахивающей на люльку, в которой покачивала Анюта Олюшку, вышел бородатый беглец, мучимый кашлем, и тень его вышла следом, потянулась, точно праща, и отбросила незнакомые горам каркающие звуки куда-то далеко. Под ногами бегльца что-то хрустнуло, он наклонился: мертвенный свет луны обнажил обглоданный птичий скелетик. И что есть жизнь? Мелькнуло и скрылось. Был ли я на этом свете? И почему, если я до сих пор жив, я коротаю ночь и день в черной пещере – а не скачу на лошади по горячей степи?

И опять нахлынуло, точно волна затопила душу, тело подхватила, понесла. С кем она сейчас, зазноба его коварная, вероломная, добрая, щедрая, страстная, нежная?! Все слова, что ни придут на ум, про нее. Все из-за нее. Мир рухнул из-за нее. А улыбнется она – на обломках жизнь бессмертная взойдет. Пусть будем вместе недолго, разлучит нас толь-

ко смерть. Лишь бы добраться до нее, дойти, доползти. Нет, любовь его охранит. Не убьют его в пути, не поймают. Вот и рыжий добрый барин, которого встретил на тропе днем, дал ему много денег – это не зря. Это сама судьба его выталкивает из черного дупла в зеленый свет.

Илье снился бородатый беглец – будто крадется он от куста к кусту, тише, тише, шаги приглуши, не выдай, эхо. А вот и лодка! И поплыл беглец – там облака, там плеск волны, там серебристый отсвет луны, там она...

Лампия на краю сна мелькнула в том самом красивом, пышном зеленом платье, в котором увидена была им в первый раз.

* * *

В послужном списке за 1887 год, подписанном лично Маляревским, у горного кандидата Ильи Дмитриевича Ярославцева, награжденного за честный и усердный труд медалью, значатся: жена Лампия 34 лет, сын Сергей 11 годков, дочь Наташа 9 годков и двухлетняя Ольга. Казалось бы, что здесь особенного: обычная семья. Но вот в чем загвоздка: живы потомки Ильи Дмитриевича и от Сергея, и от младшей дочери (у Натальи детей не было). Люди вполне достойные (все с высшим образованием, все почти трудоголики, есть кандидаты и доктора наук, математики, гуманитарии, географы). Сергееву линию пока трогать не стану, а про млад-

шую дочь Ильи Дмитриевича скажу: наша общая бабушка – прабабушка – прапрабабушка Мария была преподавателем словесности и публиковала свои статьи в журналах и газетах... И кстати, автор (я) назван(а) в честь нее.

Постойте! Вы говорите, Мария? А где же малышка Ольга, которая сейчас, так смешно пыхтя, карабкается по мощной ноге своего сурового для всех, лишь только для нее сладко-медового деда?

* * *

Старик негодовал. Казалось, дубовая мебель и та подпрыгивает на половицах, норовя разбежаться от страха. Что ж такое делается, что ж делается! Предупреждал я ее, запрещал, наказанием грозил, да что наказанием – проклятием пугал, не выходи, говорил, замуж за этого голоштанного, правда, разбогател он поболее Саши, так теперь все, все, все теряет! Нищими остаются! Все – прахом! Детей с сумой по миру пустил! А позор-то, позор какой – судебное дело начато о его проступках служебных и этого петербургского прохвоста, я сразу каналю раскусил – как только его командиром назначили над рудниками... Ведь на Илью все бумаги уже были готовы и отправлены, говорил капитан Савельев, на утверждение в Петербург, осенью сразу 13-й чин бы получил – шихтмейстера, хоть и отменили прежние звания, не пишут теперь так – а мы, рудницкие, по старой памяти толь-

ко так зовем... А там, гляди, и пошло бы дело быстро: чин за чином, поднялся бы высоко по служебной лестнице – ведь не глупее Ивачева! Вот Савельев благородный человек. Отказала ему Лампия – а он на Илью зла не затаил, из ревности его гробить не стал, а мог. А ведь так один и остался. Как перст. А этот мерзавец Кронид все свое воровство свалил на Илью!

– Успокойся, Никита Егорыч, – посеревшая лицом жена тревожилась не меньше, по дому ходила теперь точно дробясь, иногда глянешь, думал старик, а вроде и нет ее, а потом снова появилась – как так? Но не до жены ему было, когда в каждом встречном чудилась ухмылка злая: а зять-то твой казнокрад; видать, и ты получил свое-то богатство не честным путем, а?

– Да что с чинов этих, – пыталась утешить жена, – дед мой был штаб-лекарь, а ты в гильдии купеческой, а живешь лучше, вечно, мама рассказывала, по съемным квартирам, вечно в долгах, характер у него был тяжелый, больные от него разбегались, и дома своего у нас никогда не было, а у тебя и здесь каменный дом, и в Барнауле, пусть деревянный, но какой большой, просторный, два этажа на подклете, а знаешь ли ты, что молодой барнаульский фотограф Борисов виды города делает и дом наш на открытке будет?

– Чего? Какие виды? – Никита Егорыч переспросил с досадой: никакой фотограф его сейчас не интересовал. Ведь ладно рыжий этот зять, черт с ним, но ведь внуки-то его, вон

малая Олюшка уж все дедовы колени облазила – суший котенок.

Старик улыбнулся, вспомнив.

– Лампия ходит гордо, не сломила ее клевета на мужа!

– Лампию не сломить, – усмехнулся в бороду. – Когда я с попом Николаевского рудника не поладил и в беспоповцы подался, потом тоже пришло мне в голову и ее, уже тринадцатилетнюю девчонку, там же заново окрестить – она ни в какую! Даже имя свое старинное переделала! – Он воевал со своей бунтаркой-дочерью, но жена чувствовала – одновременно и уважал, и сильно, хоть и скрытно, любил за сильную ее натуру. Ведь в него пошла, не в мать. А сына Сашеньку хоть и ценил за увертливость в торговле и за покладистый характер – но любил меньше. Вот ведь оно как глупо в жизни: кто не дается сразу, супротив идет – того и ценим.

* * *

Илья Дмитриевич сразу ощутил, что отвернулось от него местное «культурное общество»: не звали больше на обеды к офицеру Игнатьеву, перестали все здороваться за руку – выходит, упал он в ту самую яму, что и предок его; из этой ямы сколько поколений не могли выкарабкаться, только Илье удалось – да ненадолго! Откуда вылез на свет – туда и скатился. Один Савельев продолжал здороваться за руку – так Савельев сам по матери внук сосланного еще в тридца-

тые годы дворянина-поляка, женившегося уже здесь на дочери священника.

А если шел, а не ехал один по городским улицам, точно приклеено было к спине позорное: «Отстранен от должности за проступки по службе». И не встанешь же на ярмарочной площади, не крикнешь: ЛОЖЬ!

Солнце садилось, уходило за горы, тянуло еще свой след по кронам, цепляло за кусты, так и я еще цепляюсь за жизнь, а она уходит, уходит. Да отчего же? Я ведь молод, я смогу доказать, что не было никаких служебных у меня проступков – и что казнокрад только Кронид! Полоска горизонта, как стрела, надломилась в самой середине, острие наконечника почернело из-за неизвестно откуда появившейся тучи, а колосья конца ее зажглись, вспыхнули и погасли.

Господи, что будет с детьми?!

Суд докажет... Но сколько будет длиться разбирательство... Завтра Лампия едет в Барнаул, к брату, просить денег. Стыд.

То ли стрела заката, надломившаяся и утонувшая наконечником в черной туче, так повлияла на сильно подверженное колебаниям настроение Ильи, то ли просто небесная картина как бы отразила и точно выразила картину его собственной души, но домой он приехал в сильнейшем унынии, сейчас бы сказали – в депрессии. И с этого вечера все, наверное, и пошло-покатилось под гору. По крайней мере, так показалось его вдове, когда она – уже в Омске, в декабре 1900

года, перед своей смертью – вспоминала, как богато и славно начиналась ее жизнь, сколько женихов крутилось вокруг планеты Лампии – самой красивой и богатой невесты, ведь как мотыльки гибли! – и как окончилась: с трудом, на благотворительные деньги от городской казны сумела она дать Наташе и Сереже гимназическое образование, сейчас Наташа училась на Высших женских Бестужевских курсах, а Сергей, очень красивый молодой человек и сильный модник, на историко-филологическом факультете Петербургского университета. И на жизнь себе зарабатывают уроками. Только малая Муся еще с матерью. Учится в гимназии, дружит с богатой девочкой Верой. Вместе хотят пойти в сельские учительницы. С чего бы, как-то спросила Лампия Мусю – худенькую такую, с тонким профилем, с маленькой русой косичкой. «Мы будем просвещать честные умы», – ответила глупая. Это все от Наташи: она, приезжая на отдых, завезла из Петербурга революционный вирус. Гордится, что ходит на кружок к какому-то сомнительному Емельяну Ярославскому. Небось фамилия сходна – вот и прилипла. А вовлек ее во все это друг ее самый близкий, закадычный Янек Ляховецкий. Отец его, говорят, пожертвовал каким-то революционерам денег на типографию. Но, может, и врут. Откуда у них такие деньги?

(Заметим в скобках, что Янек – это будущий зам. наркома иностранных дел и посол в Англии Иван Майский. Насчет пожертвования – факт непроверенный, а вот с Натальей Яро-

славцевой, в замужестве Паскевич, он действительно поддерживал дружеские отношения всю жизнь, до ее смерти.

Наталья Ильинична Паскевич умерла от туберкулеза. Друзья называли ее женщиной великой доброты и щедрости. И родная племянница ее, тоже Наташа, пошла в нее: на свои деньги собирала в 30-е годы посылки репрессированным, отбывавшим таежный срок вместе с братом ее мужа).

* * *

У самой-то Лампии никогда не было стремления к благотворительности. Крепкие гены отца перебили, выходит, тонкие материнские. Хотя из благородных торговцы еще похлеще выходят – взять вон того же Козела-Поклевского, отец у него вроде пароход когда-то арендовал. И шляхта бывшая вся по Сибири весьма бойко торгует. А во мне просто ханская жесткость дает о себе знать. Лампия, до сих пор чернобровая и статная, горделиво усмехнулась. Но если Саша, брат, полностью окупечился и даже образование дочери гимназического не дал, мол, к чему, пусть дома сидит рукодельничает да за кухарками следит, то Лампия, помня про образованных своих двух дедов – прадед Еропкин-то, мать рассказывала, вообще на других языках читал, от него и она, его дочь, немного еще в детстве научилась говорить по-киргизски, знал он самого Валиханова, очень его любил, тонкой был души человек, так о нем говорил и считал, что сгуби-

ла того грубость жизни солдатской, – и хоть отец, Никита Егорович, был весьма умен, а уж какая практическая сметка была у него, не отнять, но образование все-таки Лампия считала всего важнее. Сколько унижений прошла, сколько порогов городского начальства обила – это она, когда-то самая богатая и своевольная невеста! Ведь за каждую копейку пришлось биться. И жить, сдавая комнату на окраине Омска: жалкий этот домишко – все, что смогла она купить на те крохи, что остались от бывшего богатства. Приходится еще и племянниц держать – она кормит, а Мусе перепадает их одежонка. Разве для Лампии, которую мерзавец Кронид называл степной царицей, такая жизнь?! Оттого и умирает. Не может больше. Сломил ее горе, убила нужда. За гроши и те приходилось ей бороться.

В Главное Управление Алтайского горного Округа

Из состоящих в партикулярных суммах 8 руб. 66 коп., не выданных в жалованье Уставщику Ярославцеву, нами послано в Омское Городское Полицейское Управление при отношении от 27 апреля за № 270 для выдачи Ярославцевой 8 руб. 54 коп., а 12 копеек употреблены в почтовый доход за пересылку. О чем Контора Риддерскаго и Сокольнаго рудников доносит Главному Управлению с предоставлением квитанции Омскаго Губернскаго Казначейства от 3 июля сего года за № 6000/646705.

7 июля 1895 года.

Управляющий.

Выходит, прав был отец, когда запрещал ей идти за Ильёю? В декабре 1899 года приехала из Питера дочь Наташа. Лампия уже болела – но ничего старшей дочери не сказала. И сама надеялась: переможется. И доктор Красовский обнадежил: это все от дурной пищи, диету прописал. И верно, полегчало.

* * *

Из дневника омской гимназистки Муси Ярославцевой (декабрь 1899 – январь 1901 года):

«11 декабря

Вчера приехала моя сестра Наташа. Ах, с каким нетерпением я ее ждала! Но вот наконец она приехала. Сегодня она мне показалась такой доброй, что я решила с ней никогда не ссориться, как это случалось раньше.

12 декабря

Наташа мне подарила 2 толстые книги и привезла от брата Сережи 4 книги. Как я рада, что у меня так много книг. Я с усердностью начала читать “Дневник маленького проказника”, хотя Наташа советует прочесть мне одну из исторических книг, присланных Сережей.

13 декабря

Мама очень недовольна Женей и желает, чтобы она поскорее уезжала домой на Рождество Христово, но та, кажет-

ся, и не думает скоро уезжать, и я боюсь, как бы она совсем не осталась у нас.

15 декабря

Удивляюсь писателям и поэтам: как это они могут так хорошо писать и их сочинения нравятся читателям. Например, я начала сегодня придумывать, не могу ли я написать какое-нибудь сочинение, которое бы понравилось читателям. Но увы! Тщетно ломаю я голову, ничего не помогает. Я написала несколько стишков, но из них только один понравился читателям, которые были не кто иные, как Наташа, Таня и Женя Леонтьева (последние две у нас на хлебах). Остальные они называли “нескладно да жалобно”.

16 декабря

Сейчас мама спорила с Наташей из-за Тани, потому что мама иногда недовольна Таней и не умеет этого скрыть и, наоборот, старается открыть. Наташа говорит, что это очень больно Тане, потому что она живет не у родителей, а у тетки и не поехала к родным на Рождество. Мне тоже жалко Таню.

23 декабря

Сегодня мы с Верой попробовали сделать бенгальский огонь у нее в комнате. Он удался очень хорошо, то есть был очень красивый, но зато когда потух, то образовался такой дым и чад, что дышать было нечем. Мы все страшно испугались. Евдокии Корнеевны не было. Она ушла в корпус. Вдруг меня осенила счастливая мысль. “Вера, – сказала я, – бери полотенце, и выгоняем дым”. Все, то есть Вера, Надя и я,

начали кто салфеткой, кто платком вымахивать дым. Вошла горничная Паша, знавшая уже случившееся, и засмеялась. “Куда же идет дым-то?” – спросила она. Мы осмотрелись кругом, и действительно, кроме маленькой отдушины, не было ничего. Все начали сначала хохотать, но потом мы опять начали беспокоиться, примет ли это Евдокия Корнеевна к сердцу или нет. Наконец мы решили сказать ей, что был у нас Вега Красовский и сделал это. Так и сделали, и нам ничего не было.

28 декабря

Иногда я чувствую себя такой одинокой, что удивляюсь, как только это я выдерживаю, и стараюсь всеми силами найти себе истинного друга, которому я могла бы излить все мое переполненное сердце. Но все напрасно. Я иногда долго думаю обо всем. Завтра у нас будет бал масок, но я этому не особенно радуюсь, потому что Тани не будет, она приглашена на другой вечер, и было бы лучше, чтобы устроили в другой день и Таня могла бы тоже веселиться.

30 декабря

Сейчас Таня начала мне делать разные замечания, напр.: “Не смотри мой альбом, ты его видела!” и др. Я вижу сама, что от таких замечаний я порчусь и делаюсь упрямой. Таня сказала, чтобы я не смотрела альбом, а я, наоборот, смотрю. Но я не могу побороть мое упрямство, когда тут задето мое самолюбие. Мне кажется, что Таня меня совсем не любит, хотя и сестра мне, и старается чем-нибудь досадить мне. А

все-таки в ней есть что-то хорошее, неизвестное для меня.

7 января

28-го Наташа прочла мой дневник и сказала, что я могу надеяться на нее и считать ее верным другом. Сегодня она обидела меня. Она получила письмо от Сережи и задумалась. Я стала приставать, чтобы она мне письмо показала, но она отказалась, и теперь я одна, совершенно одна. Раньше я хоть питала надежду найти в Наташе истинного друга, но теперь убедилась, что это невозможно – открывать душу той, которая не хочет показать письмо от моего же брата!»

* * *

Крониду дали бумаги прочитать. Уже скопилось у начальства несколько докладных этого рыжего кляузника! Чтоб ему!.. И чего ему не жилось? Приревновал, что ли? Так я... Кронид впивался в каждую букву: почерк уставщика был очень красивый, аккуратный, писал он культурно, это еще больше взвинтило Маляревского – с неграмотным бы он быстро разобрался, а здесь придется бороться.

– Прошу покорнейше побыстрее читать, господин Маляревский. – Перед ним стоял хлипкий делопроизводитель. Этот точно за шинель работает.

– Да читаю я, поди прочь!

Вот такие и мешают разбогатеть порядочному человеку. Маляревский усмехнулся. Это я о себе, господа!

ДЕЛО

Главного Управления Алтайского округа

По обвинениям Уставщика Сугатовского рудника Ярославцева в проступках по службе, освобождении Ярославцева от должности уставщика, увольнении его от службы по Алтайскому горному округу и по обвинению Горного Инженера Маляревского в проступках по службе (с приложением 2 чертежей построек Сугатовского рудника).

Начато 29 апреля 1887 года.

* * *

«Что о пребывании ящериц, змей и тому подобных насекомых при богатых рудных жилах говорится, то хотя оно за неосновательное почитается, однако узнавание особливо при Колывано-Воскресенских заводах ясно доказывает, что сего вовсе опровергать не надлежит, ибо множество змей, находящихся там на горе, золотой и серебряной рудами изобилующей... есть явное свидетельство, что такие гады больше водятся в тех местах, где золотые и серебряные руды находятся».

Ивана Шляссера «Обстоятельное наставление рудному делу», изданное в Петербурге в 1760 году, где важный чин поучал.

Версия о любви Кронида к Лампии, после того как я стала разбирать присланные из архива бумаги, сначала полностью рассыпалась. Да нет, с большой грустью думала я, обычное (!) российское казнокрадство: небось действительно кто-то из вышестоящих над Кронидом начальников был заинтересован в фиктивных отчетах, надеясь получить от махинатора Кронида свой куш, и потому Илья Дмитриевич не просто уперся в фантастически прочную, гладкую, мимикрирующую в такт времени, точно гляцевый трансформер, вечную стену российского жульничества – но разбил об эту стену голову. Но сначала о странном параллельном сюжете, в который попал автор (то есть я). Сюжет этот связан с частным алтайским генеалогом Перешокиным (в фамилии реальной я изменила две буквы), к которому мы обратились через интернет, надеясь получить информацию о своих предках, о которых помнили слова прабабушки: «род пошел от шихт-мейстера», который попал на каторгу в 70-х годах XVIII века, и связано это было с пугачевским делом: последние данные обнаружил еще до 1917 года в архиве сын Ильи Дмитриевича Ярославцева, историк, окончивший в 10-х годах XX века Санкт-Петербургский университет, историко-филологическое отделение.

А генеалог Перешокин работал просто: получив запрос

от одного из своих частных клиентов, на которых он выходил через генеалогический сайт израильской предпринимательницы – бывшего историка излета советской власти, Перешокин шел в барнаульский архив и за копейки получал там нужные документы, а продавал эти документы за очень весомые суммы. Расчет и логика этого индивидуального бизнеса элементарны: клиент сам не может из другого конца страны (или вообще из другой части света) доехать до барнаульского архива. Ведь если бы он смог – то и доехал бы. И потому – даже если документы ловко подтасованы под перешокинскую версию (а он этим не чурался), то проверить некому, и доказать обман мало разбирающиеся в исторических реалиях Алтая никогда не смогут. Разумеется, порой находки Перешокина соответствовали исторической правде – тогда он получал честные деньги. Но часто – из-за сгоревших церквей, потерянных, утопленных, разорванных большевиками архивных документов, из-за ошибок переписчиков, которые путались сами в датах и составляли формулярные списки с чужих слов (даже сейчас в интернете куча таких же точно ошибок!), – версию приходилось достраивать фиктивно, то есть сводя два конца совершенно разных родовых дорог как бы в одну удачно найденную подкову. Подкову перешокинской подтасовки, приносившей ему ощутимый доход. Ведь фамилии повторяются. Имена тоже. А некоторые расхождения в датах легко свалить на тех же малограмотных или небрежных переписчиков. То есть, в общем, Перешо-

кин не так далеко ушел от Маляревского, который был типичным крупным российским мошенником (в лихую эпоху российской «прихватизации» он стал бы «уважаемым миллионером», ведь толпа тупа – и даже зная, что капитал г-на N имеет источником, мягко говоря, нечестность, все равно этого N за его деньги уважает). А когда над Маляревским нависла угроза разоблачения – он, как это принято у такого рода деятелей, поспешно обвинил отказавшегося участвовать в жульничестве и махинациях невинного своего подчиненного и, чтобы срочно замести следы, уволил его, составив фиктивный список его как бы провинностей по службе. Из этого капкана не смог выбраться оклеветанный Кронидом Ильи Дмитриевич Ярославцев.

И я попала в тот же капкан! Хуже того! В этот капкан клеветы попал тогда почти девяностолетний внук Ильи Дмитриевича, бывший полярник, доктор географических наук, лауреат Госпремии СССР, а главное – такой же честный человек, каким был и его дед.

Перешокин, которому мы написали, что его версия не соответствует тем данным, которые были проверены сыном Ильи Дмитриевича, историком С. Ярославцевым (в семье хранилась полученная им выписка из архива), и что мы не станем платить крупную сумму денег, которую он требует, за подтасованные им данные, тут же, боясь разоблачения и желая получить немалую сумму денег, опубликовал на сайте своей работодательницы (заинтересованной, как любой

предприниматель, в личном проценте прибыли и, по объяснению, как бы покаянному, Перешокина, подтолкнувшей его к написанию) клеветническое письмо, в котором сам мошенник от генеалогии – след в след за Маляревским! – выставил мошенниками обратившихся к нему потомков Ильи Дмитриевича Ярославцева.

(Дети сына камнереза будут жить в Санкт-Петербурге и вольются сначала в золотую часть русской интеллигенции, а их уже дети, внуки и правнуки потом в интеллигенцию советскую и снова – в русскую, российскую, уже после 90-х годов: сын Сергей, как я уже написала выше, станет историком, его краеведческие очерки «Город Климовичи Могилевской губернии», изданные в Вильно в 1914 году, и сейчас представляют ценность: Сергей Ильич одно время преподавал там в мужской гимназии и активно занимался краеведением, в частности, искал старинную библиотеку Доминиканского монастыря; его сестра, выйдя замуж за сына потомственного дворянина доктора Паскевича, станет преподавателем математики, Мария будет публиковать свои статьи по филологии в журналах, преподавать словесность, внучка Наташа, дочь Сергея Ильича, тоже филолог, станет директором школы в Ленинграде, а ее дочь, его правнучка, доктором биологических наук, крупнейшим болотоведом, представителем России в ЮНЕСКО и т. д.).

Мы решили не подавать на Перешокина в суд. Просто тоже в Интернете, на другом портале, расположили опровер-

жение. Суд для уже девяностолетнего внука Ильи Дмитриевича мог бы оказаться непосильной нагрузкой. Мы поколебались – и решили просто утаить от старого человека этот виток подлости, вернувшийся к нам из 1887 года, ведь печальный опыт был: Илья Дмитриевич Ярославцев не дожид до решения суда по делу Маляревского.

Это опасное занятие – выводить из тьмы забвения умерших.

Но я отвлеклась.

* * *

Версия о любви Кронида к Лампии сначала как бы полностью распалась, но потом, точно опилки по магнитному притяжению, стала собираться вновь – но с другой стороны освещенная: свет теперь падал со стороны самой Лампии.

Кронид был одинок. Возможно, со своей прислугой, видной теткой, физически мощной, но достаточно добродушной, у Кронида и было нечто по ночам для него утешительное – слух такой курсировал по местным рудникам, мол, повезло черноглазой дуре Агриппине: и сыта, и при мужике. Но сам-то Кронид и думать об Агриппине не думал. А вот красавица жена горного кандидата, с которым затеяли они совместное пашенное производство, не могла не нравиться холостяку управляющему.

(Ведь и генеалог Перешокин, с которым обменивалась

сообщениями моя интеллектуальная родственница, большая умница, пробурившая историю Алтая в поисках следов предков аж до начала XVII века, тоже увлекся – ему очень хотелось узнать, кто скрывается за подписью К., романтизированной стихотворными посвящениями XIX века: переписка их по электронной почте была такой активной и эмоциональной, что невольно генеалогу захотелось заглянуть под маску... Но – увлечение, поверьте, в том и в другом случае лишь фон, на котором разыгрывался совсем иной сценарий: трагического столкновения честности и искренности с корыстолюбием и бессердечием.)

– Ой, влюблен-то как в вас начальник, – нередко говорили Лампии, которая от таких слов отмахивалась сердито – это если была в дурном расположении духа – или отшучивалась – если была в настроении.

Лампия любила своего мужа. И только его. Точно две половинки одного яблока, спелого да ароматного, – такое было у них счастье. Про яблоко как-то сам Илья сказал. Теплая темнота обволакивала их, Олюшка, любимица, только родилась – и ее пульсирующий лучик из колыбели то легко освещал, то снова погружал их двоих, качающихся на лодке любви, в таинственный мир оживших теней – и танцевали скальные камни у Саввушкина озера...

– Ой, сохнет по вам начальник-то!

Бесспорно, как говорится, Лампии льстило внимание Маляревского – его восхищенно-ревнивые взгляды, которые

перехватывала Анюта, быстро стали достоянием местных пересудов, разносимых обрывками грязного тряпья, потом падающего в зловонные канавы и гниющего там – до снега забвения...

Но теперь свет для нее померк. И даже не сердито она ответила, когда жена уставщика рудника Чудак, заехав с мужем по торговым делам к Никите Егоровичу, опять на страсть к ней Кронида намекнула. Гневно.

– Да что ты такое говоришь! Это чушь полная!

Отстань, дура. Это мысленно. Иди плети свои корзинки! (Действительно, та любила за этим занятием проводить свободное время.)

– Не верю!

Только что Илья Дмитриевич Ярославцев был уволен Малайревским и выгнан со всей семьей из обжитого, ставшего уже родным, казалось, такого надежного дома. Пришлось просить временного приюта в родительском. Старик Никита Егорович приют им, конечно, дал, но возненавидел зятя окончательно и бесповоротно: встречал и провожал он его полным молчанием, теща, правда, пыталась смягчить беду своей мягкой улыбкой – но от нее еще горше делалось на душе... еще горше.

Куда податься?!

– Никита Егорыч, – заговаривала с мужем постаревшая мать, – ты ведь сам посуди, какие глупости заставил рабочих понаписать этот прохиндей про нашего Илью.

– Может, он и ваш с Лампией, но не мой. Сколько он мне загубил товару – Маляревский-то не будет сдавать мне плуги на продажу!.. А хлеб из чего печь? Убыток такой, что посчитать – волосы последние черные поседеют. Пусть ищет работу и съезжает. Я бы и Лампию погнал следом за ее мужем... – Никита Егорович хотел дать зятю соответствующее определение, но не нашел. – Да Олюшку жалко!

И Лампия, сломив гордость, решила идти к Крониду просить снисхождения.

* * *

ВЫПИСКА

из донесений Управляющего Медными рудниками от 13 Мая и 3 Июня 1887 года за № 246 и 279 и приложенных к последнему актов по обвинению бывшего Уставщика Сугатовского рудника Ярославцева в проступках по службе

Первое:

1. Подрядчик подъема руд на Сугатовском руднике Хромцев заявил, что при подъеме с того же рудника лошадьми уставщика Ярославцева задолжались погонщиками рабочие рудника с платою от казны, а не погонщики, нанятые на средства его, Ярославцева, как бы следовало, так как плату за подъем он получал не за работу только лошадей, а за работу лошадей с погонщиками.

2. Что изломавший ногу в Феврале месяце Петровский обыватель Михайло Межин был также погонщик.

Объяснение Ярославцева:

1. Подъем руд в Сугатовском руднике производился моими лошадьми без письменных условий. Плата была назначена Управляющим рудниками лично, применялась та же на рудниках Чудак и Белоусовский, с кубической сажени выработки, и только с Марта н.г. назначалась с тысячи пуд, а так как на вышеуказанных рудниках погонщики были от казны, что должно быть известно Управляющему рудниками, имевшему в 1886 году на руднике Чудак для подъема, а в Белоусовском для отлива, хотя и под чужим именем, но собственных лошадей, которые, кроме погонщиков, получали весь и фураж от казны, – поэтому и вопроса о погонщиках в течение всего времени подъема не было. Что плата получалась только за подъем лошадьми, известно было из представляемых для расчета документов, тем более что выдача денег производилась постоянно. Представленное в настоящее время подрядчиком Хромцевым как проступок по службе, единственное из желания найти лишнее обвинение для объяснения причины моего устранения от службы, подано со слов Управляющего рудниками. Хромцев лично сам не явился, а прислал Белоусовскаго обывателя Антонова с предписанием Управляющего.

2. Получивший увечье обыватель Мих. Межин был рабочим и получил его при отгаске руд, что подтверждают дру-

гие рабочие, а выставление его погонщиком потребовалось, как видно, из желания сделать меня ответственным за этот случай для увеличения числа обвинений!

Второе:

1. Он, Ярославцев, и брат его, нарядчик того рудника, Ярославцев же, производили тайную торговлю разными припасами, табаком и даже порохом. По этому предмету обыватель Белоусовского рудника Антон Антонов объявил при обывателях же Белоусовского рудника, сейчас работников Сугатовского рудника Григории Маханове, Иване Владимирове и подрядчике Сугатовского рудника Прохоре Хромцеве, что покупал порох у нарядчика Якова Ярославцева, часть которого доставил Управляющему медными рудниками в виде образца, это же подтвердил он и при опросе его Управляющим лично, добавив, что пороху установлена цена в 40 коп. фунт, что он купил один фунт пороху, который уже расстрелял, что для продажи пороха как крупный пушечный поставляется и продается более мелкий. Об этом составлен 29 Мая с.г. акт, в котором изложено и Евлампием Кисилевым подтверждено заявление Антонова о покупке им 1 фунта пороха от нарядчика Якова Ярославцева.

2. Что нарядчик Ярославцев постоянно ходил один в пороховой подвал, доставал порох и хранил его в своем жилом помещении в количестве около 7 фунтов.

Объяснение Ярославцева:

1. Тайной торговли никакой не производилось. О том,

что Яков Ярославцев продавал рабочим некоторые съестные припасы, поставляемые купцом Карповым Н.Е., как то: чай, муку, масло и проч., известно Управляющему рудниками, с ведома которого и велась продажа.

2. О продаже пороха: возлагать ответственность за сохранность и правильность расхода пороха, выдаваемого нарядчику на одну только смену, и обвинять в продаже, не произведя законного расследования, по одним слухам, можно при одном желании обвинить и очернить меня лично, что проявляется во всех действиях Управляющего рудниками.

3. В Сугатовском пороховом подвале хранился порох двух видов: пушечный крупный и минный плоский, негодный для стрельбы; при работе в руднике употреблялся минный, пушечный хранился в особом отделении подвала, куда нарядчик один не допускался, в закупоренных бочонках; цельные бочонки с минным порохом находились также в этом отделении, за замком и моей печатью, – в переднем отделении хранился порох в бочонке, из которого производился ежедневно для каждой смены отпуск нарядчику в предписанном количестве, записывавшемся в шнутовую книгу, куда, при назначении следующей смены, вписывался расход со счета нарядчика и проверенный остаток. Таким образом выходит, что нарядчик мог воспользоваться порохом, только взяв из того пороха, который выдавался ему для расхода на смену. В течение Февраля, Марта, Апреля с.г. расходовался только минный порох, в чем можно увериться, сравнив

подвальную книгу с наличностью в делах, – поэтому и продажа могла быть только из миннаго. А представленный Белоусовским обывателем Антоном Антоновым порох – мелкий, охотничий, употребляемый им для стрельбы. Проверив наличность, расход и сходство данных показаний, можно убедиться в их правильности. А что сделано это заявление Антоновым по злобному научению, видно уже из того, что продающий и покупающий запрещенное (или краденое) в одинаковой степени подвергаются по закону ответственности; значит, Антонов вполне был уверен в безнаказанности, а может быть, даже в награде, давая свое показание Управляющему рудниками лично при понятых. Заявление это хоть и подтверждено Евлампием Кисилевым, но исключительно как непроверенный и неподтвержденный дознанием слух, передаваемый им Управляющему рудниками из желания получить место нарядчика.

Третье:

Подрядчик при подъеме руд Хромцев показал, что за железо для подковки лошадей с него взыскано Ярославцевым 1 руб. 40 коп., но ни расходу железа, ни прихода денег Ярославцевым показано не было, так что эти деньги были присвоены Ярославцевым.

Объяснение Ярославцева:

За отпущенное работнику Хромцева Антонову железо для подковки лошадей, деньги, 1 руб. 40 коп., не были удержаны при расчете, – что и известно производившему расче-

ты кандидату Пазникову, – по личной просьбе Антонова, – до приезда Управляющего рудниками, которому, по его словам, принадлежали присланные для подъема лошади, а не Хромцеву.

Четвертое:

Проходом Хромцевым со слов рабочих Сергея Арапова и Григория Маханова заявлено, что Ярославцев притесняет их тем, что взыскивает частные долги родственника своего, купца 2-й гильдии Карпова, и в случае неуплаты отказывает от работы.

Объяснение Ярославцева:

Показания Сергея Арапова и Григория Маханова даны ими в пьяном виде, после вызова и угощений, предложенных означенным лицам доверенным Управляющего рудниками обывателем Проходом Хромцевым, что могут подтвердить свидетели. Взыскивать частные долги я не мог уже потому, что никаких денежных выдач не делал, выдача производилась не мною, хотя Арапов высказывал совместно с Антоновым, которому Арапов задолжал, просьбу о передаче денег последнему по получении Араповым заработка. Просьба мною была передана нарядчику, и никаких отказов от работы вообще не было. Никакие показания Арапова и Маханова, уже не подтвердившиеся при допросе, вообще доверия вызывать не могут. Все обвинения и заключение, в частности, о моем участии в продаже пороха, якобы основанные на моем поведении, не могут служить доказательством

без расследования законным порядком, причем с учетом того, что в течение четырнадцатилетней службы на руднике, имея постоянно таковой на своей личной ответственности, не был замечен я ни в каких проступках по службе. Порох мог быть украден Антоном Антоновым у нарядчика при засыпке в шпур в темноте. Я не утверждаю это, но высказываю такое предположение.

Главное, что все предъявленные мне обвинения есть следствие неправильного отношения Управляющего рудниками к этому делу.

Так как в течение четырнадцатилетней моей службы управления отдельным рудником это первое обвинение меня в проступках по службе, то следовало бы обратить внимание на означенных рабочих, составляющих сок белоусовской команды, попавшей в первый раз в Сугатовский рудник и проявившей малоуспешность в работе, объясняемую их собственным неумением.

* * *

Все обвинения, Илья понимал, были ерундовые, кроме одного – продажи пороха. Но верил – и это обвинение с него снимут, ведь он пороха не продавал...

А 10 мая 1887 года Сугатовский рудник был передан в управление Ивану Антипину.

АКТ

1887 года Мая 29 дня Управляющий Медными рудниками Коллежский Ассессор Маляревский в присутствии уставщика Ивана Антипина и понятых обывателей Николаевского рудника Киселева и Риддерского рудника Василия Шушакова, а также подрядчика Прохора Хромцева постановил акт в том, что:

1. Киселевым подтверждено было заявление Антона Антонова о покупке им 1 фунта пороха, о чем он говорил при многих свидетелях, и о том, что порох он покупал от нарядчика Якова Ярославцева.

2. Что нарядчик Яков Ярославцев постоянно ходил один в пороховой подвал, доставал порох и хранил его в своем личном помещении в количестве 7 фунтов, также подтвердил Прохор Хромцев за Убинского крестьянина Чернова.

Уставщик Иван Антипин, риддерской обыватель Василий Шешуков и по личной просьбе обывателя Киселева подписался таковой же Василий Гребенщиков.

* * *

Но Кронид рано праздновал победу. Илья Ярославцев продолжал писать в Главное управление Алтайского горного круга прошение за прошением, докладные за докладными. Он еще верил, что справедливость вот-вот восторжествует и он будет или возвращен в свой родной Сугатовский, или по-

лучит другое, аналогичное место службы. Но и Кронид был уверен в успехе. Мелкие проступки – ерунда, горный кандидат бы отделался только порицанием, а вот дело с порохом должно было выстрелить точно – и убить его карьеру наверняка. Несколько лет назад, в 1883 году, на Зырянском утонул в озере молодой уставщик, которого отдали под суд как раз за незаконную торговлю порохом! И Кронид помнил, что выпутаться тогда бедолаге так и не удалось. А ведь вполне возможно, был он и вовсе не виновен. Кто-то претендовал на его место, вот и оговорил. Какой-нибудь Антипин. А Проньки всегда ведь найдутся – с большой охотой за гроши продать душу. Да и есть ли она у них – душа-то? Так, вместо нее еще недоразвитое нечто нутряное да чувствительное. И нет на мне вины, что я хочу быть богат. Умный и должен быть богат, а дурак нутряной пусть на него работает. А вот на Илье – вина: если ты выше и толковее пронек, так и относись к ним цинично – к чему эта алмазная честность! Она порой хуже лжи, которая может оказаться и во благо. А деньги для умного всегда во благо.

А и то верно, старик Карпов места себе не находил от раздражения, чего зять вылез со своей глупой честностью, спокойно подчинился бы управляющему и все излишки записал на него, а хоть тот и с ним обещал поделиться, мог уж, раз такой совестливый, излишков себе-то не брать, но и начальника не выдавать. Может, за себя испугался, что, коли обнаружат, и он под суд пойдет?

(И у меня тоже возник сначала такой вопрос: может, не из честности все это затеял Илья Дмитриевич? Может, и точно за себя испугался? Но ответ нашелся легко: два внука Ильи – оба! – отмечены одной и той же чертой характера – какой-то абсолютной неспособностью к нечестному, даже мелкому поступку, что доходило до самого скрупулезного, прямо-таки въедливого следования закону у одного: даже не смог он в советские времена работать начальником геофизической партии, потому что постоянно возникала необходимость делать приписки, чтобы совпали данные изысканий с установленными нормами – и ушел, как принято в их среде говорить, «в камералку», то есть занялся кабинетной работой обычного инженера. А второй внук – исследователь Арктики, доктор географических наук, автор атласов льдов, тоже человек чести, такой вот «нравственно чистый идеалист» и характеризуется так всеми знакомыми. Когда я передавала ему старые фотографии через его друга, известного ученого, приехавшего в Москву из Санкт-Петербурга на трехдневную конференцию, и спросила, извинившись, трудно ли было ему выбрать время для встречи со мной, он сказал: «Для Андрея Васильевича мне ничего не трудно. Таких порядочных людей, как он, сейчас очень мало».

Так что честность – это просто их общее генетическое качество.)

А Кронид был умным прохвостом, спору нет, но со своим прямым подчиненным он дал маху: из-за того что стар-

ший уставщик, управляющий Сугатовским, вел торговлю, он и воспринял его как «обычного», то есть готового ради прибыльной выгоды и на некоторые, мягко говоря, отступы от закона. Но Ярославцев-то не любил торговлю и вел ее (причем не сам, а с помощью брата Якова) только из-за свекра – как бы компенсируя тому его проигрыш – невыгодное, упрямо глупое, сословно принижающее замужество красавицы дочери. Махинаторские таланты Кронид Маляревского натолкнулись на совершенно неожиданный айсберг – корабль раскололся и пошел ко дну. Но сначала Кронид еще кое-кого толкнул в воду и попытался не просто выплыть сам, но и попутно прихватить все то ценное, что смог унести с тонущего парохода. В деле Маляревского появится некий лесничий: Кронид и излишками леса не побрезговал; так сказать, хоть шлюпка, в которую он сначала успел запрыгнуть, сильно кренилась – он все равно упорно вылавливал из воды бревна...

* * *

Июнь 9 1887 года

В Главное Управление Алтайского горного Округа
Уставщика Сугатовского рудника
Ильи Дмитриевича Ярославцева

Прошение

По окончании полного курса наук в Барнаульском Окружном училище я выпущен в 1872 году кандидатом с определением на службу, откуда в 1874 году переведен горным командиром рудничных работ в Сугатовский рудник на должность уставщика.

Находясь на службе, я всегда аттестовывался способным и достойным, доказательством чему служит: серебряная медаль с надписью «за усердие», полученная мною в 1880 году, и денежная награда, исходатайствованная Управляющим медными рудниками Г. Маляревским в 1886 году в 130 рублей.

Ныне по предписанию того же Управляющего медными рудниками Г-на Маляревского от 10 сего Мая за № 2 я от обязанностей уставщика отстранен и нахожусь без должности; причина увольнения меня от службы есть личное неудовольствие ко мне со стороны Г-на Маляревского, вытекающее вместо благодарности за мой честный труд по общему нашему пашенному производству <...>

Остальные листы этого прошения пропали, а вот следующая докладная записка сохранилась полностью:

Июль 25 1887 года

В Главное Управление Алтайского горного Округа
Случившагося в Сугатовском руднике Уставщика
Ильи Дмитриева Ярославцева

Докладная записка

Добыча руд и флюсов в Сугатовском руднике из целиков по 22-й и 23-й сажени по Новой шахте в течение 1884, 1885, 1886 годов производилась под моим руководством и надзором в количестве кубических сажень, показанных в документах, – выход руд и флюсов, положенный Горным Советом из каждой кубической сажени 1500 пуд., записывался на приход по книгам, – в действительности же получалось от кубической сажени выработки не менее 2000 пуд. Отчего, за вышеуказанный период времени получилось по приблизительному счету до 140 000 пуд. незаприходованных руд и флюсов; на мои неоднократные заявления и доклады Г-ну Управляющему медными рудниками распоряжения о заприходовании не последовало, а поэтому во избежание ответственности, в интересах казны я и должен был заявить об этом в поданной на имя Его Превосходительства Господина Начальника Алтайского Горного Округа докладной записке от 23-го Апреля сего года.

Г-н Управляющий медными рудниками Маляревский личным распоряжением от 11 Мая с.г. от обязанностей службы уставщика меня отстранил, как сказано, «ввиду дознания, имеющего быть по заявлениям некоторых рабочих», на неправильность моих действий, – действительная же причина: неудовольствие, возбужденное моим заявлением. С того же времени прекращена и выдача мне жалованья – не выдано

даже заслуженное в Мае месяце – и запрещено Г-м Управляющим проживание в Сугатовском руднике. Между тем никакого дознания произведено не было, и самые заявления, сделанные рабочими, как видно, не основательны и приняты по меньшей мере пристрастно.

Флюсы, заявленные мною в докладной записке, до последнего времени оставались на приходе не записанными, из чего можно предполагать, что все последующие решения и действия Г-на Управляющего медными рудниками Маляревского имеют срочную цель: наличность в натуре руд и флюсов привести в согласие с книгами и таким образом мое заявление сделать ложным. Потому ввиду вышеизложенного покорнейше прошу Главное Управление Алтайского горного округа прислать особого специалиста определить наличность колчеданистых флюсов и руд в одной общей груди, – сравнить с числами по книгам наличности, – разница покажет количество незаприходованных руд и флюсов и тем подтвердит справедливость моего заявления.

Июля 21 дня 1887 года.

Горный уставщик Илья Ярославцев.

* * *

По странному совпадению именно вчера, 21 июля 2014 года, я начала читать и перепечатывать эту докладную записку. Прошло ровно сто двадцать семь лет.

По Алтайскому горному округу тогда прокатилась волна судебных разбирательств с казнокрадами – горными чиновниками. Илья Дмитриевич об этом знал и был честен, но и понимал, что имя запятнать легко, а тень падет на детей. Лампия, с которой муж посоветовался, прежде чем подать на имя его превосходительства господина начальника Алтайского горного округа докладную записку от 23 апреля 1887 года о количестве, его инициативу одобрила. Это потом она стала сомневаться – правильно ли муж сделал, доложив начальству о наличии незаприходованных руд и флюсов.

И здесь мы снова выходим на ту узенькую горную тропку, которая зовется «любовная линия». Как сейчас вижу, был сырой, сумрачный вечер. Иного по законам прозы не могло и быть, ведь Лампия и сама была в мрачнейшем настроении.

– Нет его! – ответила Агриппина, вытирая широкие красноватые ладони о передник. Она сильно не жаловала гордую уставщицу – по ревности. Да и много ли найдется женщин, способных любить другую – красавицу, еще и стоящую выше на социальной лестнице? Так что судить Агриппину, в общем, не за что. А если Кронид иногда забирался к ней под горячий бок – как с усмешкой бабьей сказала бы она сама – для сугреву – и тем более. Как говаривал старый казак, тот самый, что любил вечер скоротать, художественно рассказы-

вая про царицу ваз: «Душе еще душу родную отыскать надо, а тело мужичье по нужде к любому бабьему телу прилепится».

Глянула сердито из-под клочковатых бровей:

– На охоте. Не вернулся еще.

Но Лампия угадала: врет кума. Агриппина была из пришлых, из малороссов – те никогда не селились в селах староверов; может, их сразу там не приняли – порядки ведь у них были совсем иные: старовер никогда не обманет, за честное слово даст в долг, и за честное же слово ему все возвернут, горилку или что наше русское крепкое не потребляет, ругаться никогда подлыми словами не ругается, невенчаную дочь, прижившую ребенка от бросившего ее мужика, ни за что не прогонит, а дитя несчастное запишет суровый с виду дед, отец брошенки, на себя как сына или дочь – и вырастет дитя гордым человеком, зная не зная про любовную драму матери. А хохол в долг не только под честное слово и под расписку заверенную ни за что не даст, старик рассказчик глянул на слушающего его Васютку Гребенщикова с хитрым прищуром, вроде и ты, малец, ведь не старообрядческое дитяtko, так что слухай старого да бывалого, чтоб на хохлушке вдруг, они ведь красотой славятся, не жениться, хохлушка, та с виду только перина периной да сладкая, точно малина-ягода, а сама хитрая да жестокая, и ребеночка, едва родившегося, ежели ее мужик бросил, поскорее в пруду утопит, они все только на вид жалостливые... Но вот пес-

ни их чудо как хороши... И брови... Ай, брови! Коромыслами шелковыми. Старик причмокнул. Украинка что заноза в сердце. Помни, Васятка, да поди теперь, устал я, тебе в солдаты, а мне на печку. Не по пути нам теперь, стало быть.

И эта лжет, хитрым глазом косит. Ведь дома он. Спит управляющий. Может, и верно, что вернулся с охоты. Уездила. Устал.

– Буди иди его, – сказала спокойно, – знаю, здесь он.

Агриппина озлилась на пронизательность Ярославцевой, но, по-малороссийски медлительная, не сразу сообразила, как теперь ей быть: будить и точно? Или продолжать обманывать? Но из дверной темноты уже выходил сам Кронид.

Усмешка, едва показавшись, спряталась: по гневному виду Лампии сразу понял: не любовь свою во спасение мужа дарить пришла, а как бы не застрелила. Такая может. Но страх преодолел. Это все от расстроенных нервов. Не убьет степная царица – не способна она на такое. Может, денег пришла просить?

– Прислугу хоть не учите лгать, – идя за ним в его кабинет через комнаты, проговорила Лампия. – На вас-то ведь тоже дело завели... И то, что по вашему наущению как проступки Илье приписали, вам лично и вменили в вину: лишний пункт в деле – недоглядели за подчиненным...

Он замер в дверях кабинета. И она остановилась.

– Могли бы и не в спину мне все это высказать, а чуть подождать.

Он пропустил ее вперед, зашел следом, сел в деревянное свое любимое кресло к дубовому столу, на котором стоял портрет матери, Марьи Гавриловны, показал Лампии рукой на стул, мягкое сиденье которого украшали когда-то ярко-розовые, а теперь блеклые, точно по черно-белой гравюре разбросанные, цветочки:

– Садитесь.

* * *

Извлечение из Дела

по обвинению в проступках по службе Горного Инженера Маляревского и Горного Кандидата Уставщика Ярославцева

В Апреле 1887 года бывший Уставщик Сугатовского рудника Горный Кандидат Илья Ярославцев, заявляя Начальнику Алтайского горного Округа о возникших между Ярославцевым и непосредственным его начальником, Управляющим (в то время) медными рудниками Горным Инженером Маляревским неудовольствиях, высказал, что поводом к такому было неисполнение Ярославцевым неоднократно выраженного Маляревским приказания: записать на приход излишки флюсов; вывести на них рабочую плату и припасы, с тем чтобы деньги за ту и другие поступили в личную пользу Маляревского. Излишки же во флюсах образовались пото-

му, что по смете выход из кубической сажени положен был в 1500 пуд., а в действительности получалось до 2000 пуд., а на приход записывались по сметному назначению, что по другому заявлению Ярославцева дало избытки в течение 1884–1886 годов до 140 000 пудов и флюсов.

В свою очередь и Маляревский возбудил обвинения против Ярославцева в проступках по службе, и эти взаимные обвинения вынудили начальство произвести административное исследование, сущность которого сводится к следующему.

Горный Инженер Маляревский обвиняется:

а) в записях на приход излишних против документов руд и флюсов; в недонесении об этих излишках начальству по покушению воспользоваться этими излишками в личную свою выгоду;

б) в недосмотре за подчиненным ему Уставщиком Ярославцевым.

* * *

Небо над Саввушкиным озером являло чудеса разноцветья: одна полоса, сиреневая, переходила в розовую, которая тут же с другого края начинала синеть и становиться темно-синей, а по бокам сиренево-синего, с обеих сторон, желтели острые стрелы еще не зашедшего за горизонт солнца.

Кронид, в охотничьих сапогах, старых брюках, в них за-

правленных, и старом сюртуке, бродил по берегу туда-сюда, за ним следовала, иногда поднимая на него голову и наостряя уши на любой посторонний непонятный звук, его собака Ницца, чуяла, что муторно у хозяина на душе. Муторно – но не смертельно, сказал себе Кронид, внезапно остановившись. Излишки успеем приписать – выкрутимся! А вот Ярославцеву от пороха этого не открутиться. Прохор Хромцев уже всех свидетелей подпоил и подкупил. Он пошевелил затекшими пальцами: левый сапог криворукий сапожник сделал недомерком. Жалкие людишки! Такими управлять надо – и обирать их как липку, совершенно безжалостно: им богатство ни к чему. Только пьянствовать будут – от излишков денег – да морды друг другу бить. Быдло быдлом и останется. Вот вчера пришло письмо от матери: жалуется, что прислуга совсем от рук отбилась, наглеет; так ли было, пишет, когда крепостное право еще не отменили. А Глухов постарел, ноги болят, все реже выходит в сад, а они так любят с ним посидеть в беседке да поглядеть на озерцо, небо уж больно красивое над ним, меняет цвета, чудо как хорошо, но авось за зиму как-то наберется сил – и весной снова станут они сидеть рядышком в беседке. Но главная новость, Кронидушка, сильно печальная: скончалась твоя старая няня Анна Карповна, вот была хоть и крестьянка по рождению, а по душе благородная, да ладно, хоть не болела, от глубокой старости преставилась, священник у нас в соседней деревне новый, отец Никандр, чудесной души человек, он успел

Анну Карповну причастить, она и полежала-то всего два денечка, устала, сказала, от жизни, немудрено и устать, было ей, Кронидушка, уж за девяносто, так-то, а потом отец Никандр у нас погостил, они больно с твоим отчимом душами как-то близки оказались и читать любят одни книги... Нет-нет да услышу я шаркающие шажки: все мерещится, Анна Карповна мимо двери моей спальни проходит. А уж как тебя она любила, Кронидушка, с рук не спускала, ведь матушка-то моя рано ушла на тот свет, внука не дождавшись, вот нянюшка тебе бабуку родную и заменила... Береги себя, сын мой любимый, да хранит тебя Господь.

– Ну что, Ницца? – Кронид присел на корточки, провел ладонью по пятнистой шерсти. – Завтра пойдем в горы, побродим, ничто так не оздоравливает дух, как пешая прогулка, да еще здесь, где такой воздух, точно нектар богов, амброзия...

Он взял в ладонь несколько мелких камешков, поднялся, усмехнулся и стал кидать камешки один за другим в озеро, подсчитывая по своей идущей с детства привычке, сколько раз удалось тому подпрыгнуть на сизой воде.

И загадал: если подпрыгнет семь раз – значит, обойдется. Но как все долго тянется – в марте началось ведь, а уже вторая половина августа.

И Лампия... Так. Дал же себе слово о ней не думать. Надо Прохору еще денег подкинуть – чтобы не уломали его признать оговор.

Мерзкий тип, надо признать.

* * *

В Главное Управление Алтайского горного округа
Бывшаго уставщика Сугатовского рудника Ярославцева

Прошение

Предъявленные обвинения с донесений Управляющего медными рудниками и приложенные Акты не выявляют положительных причин моего устранения от службы и не предоставляют достаточного основания для увольнения меня от службы в Алтайском горном округе – проступки большей важности, по Управлению медными рудниками, допускаются на виду у всех, не вызывая преследований и устранения, и даже, более того, допускаются прямо в ущерб казенному делу, ввиду личной выгоды, как, например, отлив воды из Белоусовскаго рудника в 1886 году, устраненный для личной пользы Управляющего рудниками, под чужим именем державшего для отлива лошадей на казенном фураже и припасах.

Причина устранения меня от должности уставщика Сугатовского рудника объясняется личным неудовольствием Управляющего рудниками за сделанное мною заявление, для соблюдения интересов казны, об остатках колчеданистых флюсов в Сугатовском руднике в докладных записках на имя

Начальника Алтайского горного Округа от 23 Апреля с.г. и в
Главное Управление от 21 Июня

(второй лист потерян)

и заприходование которых назначалось другим способом.

Почему покорнейше прошу Главное Управление Алтайского горного Округа на основании изложенных в донесениях Управляющего рудниками обвинений, без законного расследования справедливости их увольнение меня от службы по выданному свидетельству остановить; через особаго следователя произвести законное расследование по предъявленным обвинениям в проступках по службе и по моей деятельности за все время, хотя и вольнонаемным, и проверить сделанное мною заявление, и если в моей службе вредных для горного дела поступков не окажется, то покорнейше прошу продолжения службы в районе Алтайского горного округа.

В случае отказа во внимание к моей четырнадцатилетней непрерывной службе прошу выдать копию с формулярного списка и установленный аттестат, так как примеры выдачи таковых и вольнонаемным уставщикам имеются налицо; с выданным же свидетельством приискивать службы в другом ведомстве нельзя, и для подтверждения прав я буду вынужден обратиться с просьбой в КАБИНЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Августа 22 дня 1887 года.

Горный Кандидат Илья Ярославцев.

* * *

В формулярном списке о службе «Горнаго Кандидата Ярославцева, 35 лет, на 1887 год» значатся дети: Сергей, родился 25 сентября 1877 года, Наталья, родилась 22 августа 1879 года, и Ольга двух лет. Жене его в то время, по записи, 33 года.

Ольга, судя по подсчетам, родилась году в 1884-м или в 1885-м, Мария, судя по ее метрикам, 7 февраля 1886 года.

Формулярный список на 1887 год не мог составляться раньше чем в ноябре 1886-го. Но никакой Марии в нем нет.

То есть сначала нигде нет Марии, но потом она появляется. Однако исчезает Ольга, которая до этого фигурировала во всех документах.

* * *

От приближения к нему Лампии с Кронидом начинало теперь, после ее визита, делаться что-то невероятное: он точно исчезал, каждой своей клеткой звуча, рассыпался, как песок, который тут же растворялся в воздухе, хотя взгляд все-таки успевал заметить летящие ввысь и под ноги крохотные частички, а потом начиналось медленное возвращение, новая материализация: сначала проступал прозрачный силуэт

на синеве воздуха, оказываясь почему-то очертанием, похожим не на узкий силуэт самого Кронида, а на широковатую спину его отчима Глухова, потом появлялось лицо и некоторое время колыхалось на ткани пространства, то укрупняясь, так сильно, что становилось вдруг горной глыбой, похожей на человека, то уменьшаясь до обычного лица – и Кронид пытался в этот момент задержать его, ловя собственные черты, разлетающиеся снова, как бабочки, в разные стороны, вроде даже с каким-то мелодичным смехом. А когда бабочки исчезали – лицо, дрожа и едва сохраняя свое вновь обретенное очертание, становилось лицом Ильи Ярославцева, который, к ужасу Кронида, теперь смотрел на него изнутри его собственной души и любил больше жизни Лампию, свою половинку, предназначенную ему Богом.

А ведь Лампия была с Кронидом только раз.

Не в тот сырой вечер, когда, охваченная гневом, требовала от него вернуть Илью на Сугатовский, а через два дня, ночью. Илья уехал в Семипалатинск.

Было сухо. В горах стояла легкая тишина. И казалось, звенели в ясном августовском небе, иногда срываясь и падая в Саввушкино озеро, дрожащие звезды.

Он сразу знал: жалость к мужу, горькое отчаяние толкнуло ее на этот шаг. И воспользоваться ее слабостью было грешно. Она умоляла Кронида вернуть мужу должность и обещала помочь ему уговорить Илью признать донесение об излишках ошибкой нарядчика. Яков ведь торговал кой-чем,

не спросясь брата – чего его жалеть!

Лицо Лампии, ненавидящее, но нежное, вдруг напомнило ему лицо его собственной матери, Марьи Гавриловны, особенно вполуборот, – сквозь Кронида прошел насквозь обжигающий ток узнавания: родинка Лампии была та самая, что и у матери под подбородком, на высокой шее, чуть ниже и левее уха, – эта отметинка, считал Глухов, составляла какую-то особую ее прелесть.

Тяжко дышащая Агриппина подслушивала за стенкой Кронидова кабинета. Ее праправнучка, такая же черноглазая и грубая лицом и телом, почти через сто лет после Агриппиной смерти, – а дожила она до революции 1917 года, и сын ее стал председателем одного из алтайских колхозов, – начнет портить мои отношения с мужчиной, который мне понравится, ничего не зная о пульсирующей в собственных генах жажде отмщения. Но ей не удастся стать черной кошкой. И когда через несколько лет он будет сидеть со мной в дачной беседке, то вдруг улыбнется и скажет, что, наверное, уже не боится смерти, потому что знает: душа его, ставшая от любви светом, никуда не исчезнет...

Агриппина, услышав то, что третьему слышать не должно, зарыдала по-мужицки глухо, со всхлипами, вжимая в цветастую подушку тяжелые щеки, вдавливая нутряные всхлипы в пуховую мягкость, чтобы не услышали подземного гула прорвавшейся ее страсти раскачивающиеся на качелях между жизнью и смертью Кронид и Лампия...

Но и с Ильей стало твориться что-то непонятное. Он стал жалеть Кронида.

Ранее он был уверен в своей правоте, ведь написал он о незаприходованных излишках в интересах казны, то есть подталкиваемый чувством справедливости, а еще врожденной щепетильностью: они все были такие, кроме Якова, который был внуком не от пономаря, а от второго мужа бабушки, с которым она прожила два десятка лет; крючковатый нос его с детства пугал Илью – так и чудилось, когда ребенком болел и лежал в жару, что не нос это, а крючок, на который подвешивал дед в сетке гуся, откармливая его к Рождеству.

И не было у него сомнений – да и Лампия согласилась: прав ты, нельзя допустить, чтобы излишки Кронид брал себе, ведь это воровство. И управляющий был ему так неприятен своей нечестностью, что, нарушая правила соподчинения, часто не называл его Илья в донесениях господином управляющим, как полагалось, а писал просто: «Управляющий рудниками». И сама фамилия его казалась ему мерзкой. Маляревский. Сестра бабушки скончалась от малярии. Трезвучие «рев» напоминало нелюбимую с детства реку Катунь: в ней утонул брат отца, одиннадцатилетний Иннокентий. Как ни странно, он иногда снился Илье, всегда о чем-то предупреждая или предостерегая. Однажды пробудился от его молитвы: беленький остроносый мальчик стоял на коленях и просил, чтобы Бог не дал Илье утонуть. Через несколько дней лодка, где плыли Илья и его старый друг Павел, пе-

ревернулась в грозу. Они спаслись чудом.

* * *

А вот о болезни Олюшки не предупредил: спасти ее не удалось, несколько дней была она в страшном жару, металась в постели, что-то все повторяла, иногда пытаюсь подняться, мотала головой, слова ее никто не мог разобрать – точно на чужом языке вскрикивала и лепетала. Был бы прадед-фельдшер Еропкин жив, может, и вылечил бы, а он отошел в мир иной ровно за месяц до ее болезни: выпил крепко и тут же умер. Мощный был старик.

Лампия не отходила от дочки – но как-то однажды, поздно вечером, после бессонной ночи бледная, а оттого еще более красивая, встала, подошла к зеркалу и как-то долго смотрела точно не на свое отражение, а куда-то за него. Смерть я видела, Ильюша, призналась после, в черном она была, лицо накидкой закрыто, а под накидкой пустота, за мной приходила, но только-только руку ко мне протянула, Олюшка к ней под ноги кинулась – и под ее черным длинным подолом пропала, только крикнула: «Папа, папочка, где ты?» Я прямо все так отчетливо увидела, что самой жутко, но, когда Олюшка пропала и смерть вместе с ней, вдруг вроде какой-то светлячок возле меня оказался. Беременная я опять, кажется.

– Господи, – сказал Илья, – раньше бы это известие было для меня радостью великой, а сейчас только горе множит.

Перестал я верить, милая, в справедливость. Не только моя честность никому не нужна – она всем как соринка в глазу. Наверное, излишки хотел Кронид не просто себе лично приписать, а и еще с кем повыше поделиться. Кронид наш не самое большое зло, все-таки не стал он прихватывать тут же мое пашенное производство, а ведь ему это было сделать легко, мы же с ним все организовали вместе, на двоих. Просто таков он потому, что понял систему и к ней приспособился: не нужна ей честность, а нужны хитрость и обман.

– Но ты ведь, Илья, приспособиться бы так не смог?

– Не смог. Верно. И не смогу. Оттого система меня и вытеснила. А вылетая из нее, как птенец из дупла, я зацепил и Кронида. Так что упадем вместе.

– Не верю, Ильюша, крепко он сидит в дупле. И все еще твое присвоит: и зерно, и скот, и машины, – только пока осторожничают. Не жалея его!

– Летит он уже... А сидеть ему, может, и придется. Однако уже не в таком теплом дупле. Но сам я вряд ли этого дождусь.

– Что ты говоришь?!

– Падение меня не убило, а губит система, насквозь пронизанная казнокрадством. И не должен сметь маленький человек, сын простого камнереза, подавать против нее голос. Это, знаешь, как колесо телеги: если оно вдруг повернется боком, чтобы ехать в другую сторону, то колесо это просто снимут и выбросят, заменив другим. Так и Кронид сделал. Только и он теперь горит, потому что система, чтобы себя

самое спасти, вынуждена будет и с ним расстаться.

– Выходит, ты, Илья, победил?

– В войне нашей нет победителей, все – жертвы.

– А я все-таки верю, – сказала Лампия, нахмурив черные разлетные брови, – верю, что твоя правда будет доказана.

Илья шел по Семипалатинску: выгнал их старик, когда вернулся с Ирбитской ярмарки и узнал о смерти любимой внучки. И сам слег. Нашел Илья временную работу от Товарищества горных промыслов в киргизской степи, на прииске Святомакарьевском, это если ехать через Каркаралы...

* * *

Родившуюся девочку назвали Марией.

* * *

Его Превосходительству

Господину Начальнику Алтайского Горного Округа

Горного кандидата, горного уставщика,

служившего в Сугатовском руднике

Ильи Дмитриева Ярославцева

Прошение

23 Апреля 1887 года во время моей службы в Сугатов-

ском руднике мною заявлено Вашему Превосходительству об остатках руд и флюсов при руднике, получившихся вследствие неточного счета выхода руд из кубической сажени с 1883 и по 1886 год.

Управляющий медными рудниками личным распоряжением от 12 Мая 1887 года меня от службы в Сугатовском руднике устранил, приняв не допускаемые ни установившимся законом, ни чувством справедливости меры по скорейшему меня выселению. По случаю крайне короткого срока, назначенного мне Управляющим, на очищение занимаемого мной помещения, имея, как известно Вашему Превосходительству, большое хлебопашество и скотоводство и не имея возможности взять всего с собою, я в силу необходимости должен был оставить скопившееся зерно, земледельческие инструменты и машины в построенных на мои средства в Сугатовском руднике амбарах; необмолоченные хлеба, по уборке в числе б/кладей с 230 десятин насевов двухлетнего урожая, оставив на арендованных мною полях. В аренде, в дачах Сугатовского рудника, привычной местности для выпуска и сенокоса, Управляющий отказал, и скот был выгнан мне.

Прослужив 14 лет в управлении отдельным рудником, отличаясь опытностью, исполнительностью и старанием, – ведь производительность рудника была доведена до наибольшей выгодности, – причиной такого карательного выселения я считаю личное неудовольствие и (неразборчиво) Управляю-

щего медными рудниками Горнаго Инженера Маляревскаго вследствие сделанного мной Вашему Превосходительству заявления; предъявленные им обвинения, собранные через месяц после моего устранения, непроверенные, пристрастные, основанные только на слухах, причины устранения не представляют. Но действия Управляющего медными рудниками могут быть направлены к тому, чтобы наличность руд привести в соответствие с книгами и так мое заявление сделать ложным. Я просил Главное Управление Алтайского горнаго Округа о назначении следователя для определения этих руд и зачисления их на приход.

Приступив ныне к выгрузке и отправке в Семипалатинск находящееся в моих амбарах в Сугатовском руднике зерно (неразборчиво). При первой же нагрузке заведующий рудником уставщик Антипин заявил, что выгрузку и отправку (неразборчиво) он вследствие приказания Управляющего медными рудниками не допустит и воспрепятствует этому силою до приказа последнего. Доверенный при погрузке крестьянин Подкорытов обратился к Управляющему рудниками за разъяснением и получил в ответ, что половина всего находящегося хлеба принадлежит ему, Горному Инженеру Маляревскому, и он ничего не отдаст, то есть не позволит взять остальное зерно ввиду какого-то фиктивного договора, и наконец, заперев амбары с находящимся в них моим имуществом, запечатал их печатью.

Ввиду этих действий я через Кабинет Высшее Правление

просил об истребовании доказательств законности их от 31 Декабря 1887 года, но таковых до сих пор не получил; притеснения и притязания свои Маляревский не останавливает.

Ввиду вышеизложенного покорнейше прошу Ваше Превосходительство назначить специалиста по горному делу, поверить (вместо проверить. – *М.Б.*) как правильность сделанного мною заявления, так и предъявленных обвинений, послуживших будто причиною моего отстранения от службы; а также и последующих действий Управляющего Медными рудниками Горного Инженера Маляревского, по случаю сведений, запятывающих мою репутацию; если при этом проступков и преступлений, вызвавших мое устранение от службы, не окажется, то покорнейше прошу Ваше Превосходительство справедливо выдать мне за мою четырнадцатилетнюю службу формулярный список, необходимый для определения детей в учебные заведения и для приискания рода службы, – выданное мне свидетельство, как временное, документом служить не может.

О сделанном по сему прошению и распоряжению покорнейше прошу не оставить уведомлением, на которое и прилагаю гербовых марок на восемьдесят коп. Февраля 11 дня 1888 года.

Горный уставщик Илья Ярославцев.

Жительство имею Семипалатинской области Каркаралинского уезда прииск Святомакарьевский Товарищества Горных промыслов в Киргизской степи.

Лампия спешила, пустила лошадь пастись на лужок, за недалёкие кусты, спустилась по камням к озеру. И вздрогнула от неожиданности: на берегу сидел Кронид. Он, услышав шаги, повернулся и теперь смотрел на подошедшую не мигая, причем лицо его за минуту сменило оттенки от коричневатого до багрово-коричневого.

– Ты так же красива, – вдруг без приветствия проговорил он, – не располнела после родов, матушка моя вот также – пятерых родила, я младший, а фигуру сохранила...

Вода шелестела. Птица, сделав круг, опустилась на легкий гребень волны, качнулась.

– Дочь... наша?... моя?

Лампия сделала к нему навстречу резкий шаг, взмахнув рукой, точно намереваясь его ударить:

– Вы-то... ты... при чем тут?!

– Как же...

– Все забудь. Не было у нас ничего. Бес меня попутал. Жалость к Илье толкнула на измену. Никогда себе этого не прощу. Умру от этого яда, чую, который теперь в своей душе ношу.

– Моя, значит. Раз ты так мучаешься. Сердце твое знает правду.

– Молчи, молчи! Ярославцевская она, как все мои дети.

– Моя прислуга Агриппина уже весь рудник Сугатовский и окрестности в известность поставила, что ты от меня родила... Как бы до Ильи не дошло.

– Очень ты о нем печешься, вижу.

– Печалюсь. Ты не поверишь, а как-то жалеть я его стал.

– От жалости и зерно присвоил?! И скот выгнал с сугатовских дач?! И опечатал все, что Илье принадлежит?!

– Я лучше, выгоднее все продам – вам же больше достанется. Он сейчас с отчаяния все за бесценок в Семипалатинске сдаст. Тебе же теперь дочь поднимать...

– Не верю я тебе, лукавый ты человек... И какое тебе дело до ребенка?! Наша с Ильей дочь. У меня все учтено – я бы в ночь, для меня опасную, к тебе бы, Кронид, не пришла. – Она усмехнулась. – Не тот ты человек, от которого хочется детей иметь, хоть и дворянином стал по Табели о рангах.

– У меня и матушка была из обедневших столбовых дворян, а у моего батюшки вышедшие из однодворцев священники все из века в век...

– Выходит, мерзавцев у вас в роду не было?

– Честнейшие люди. – Кронид тоже усмехнулся, хоть и с опозданием. – Я – единственный.

* * *

Марусе было всего двенадцать лет, когда умерла ее мать. Приехала Наташа из Питера продавать дом, рыхлая дама,

снявшая вместе с незамужней дочерью у Лампии две комнаты, вспоминая, как мучилась хозяйка перед смертью, плакала, терла глаза и пухлые щеки шелковым тонким платком, – она любила Лампию Никитичну, та вечно прощала ей затяжные, как дожди осенние, долги по найму.

– Ой, ведь какие-то бумаги остались! – вдруг вспомнила дама. Она встала, открыла ящик черного комода. – Это письмо пришло буквально в день ее смерти, а раньше Лампию Никитичну следователь приглашал, она мне говорила, но тогда уж ей было не до разбирательств... – Дама снова заплакала. – Нужны?

– Парочка, сбегай за чаем и сахаром! – попросила Наташа. – А мы тут пока бумагами займемся. – Она взяла конверт и вскрыла. – Иди, иди, Парочка, а то закроют!

– Вот всегда так! – обиженно вскинулась худенькая девочка с тонким профилем и русой косичкой. – Все, что важное, ты никогда мне не покажешь! Только гоняешь, точно прислугу!

– А отчего вы ее Парочкой зовете? – вдруг поинтересовалась все еще плачущая дама. – Давно хотела спросить, да все забывала.

– Ой! – улыбнулась Наташа. – Сама не знаю. То ли от Парки – богини судьбы, то ли у Муси была сестра-близнец, но умерла во младенчестве, и Муся как бы за двоих теперь, хотя и осталась одна... Так прозвали ее с самого рождения, а вот почему?..

Министерство ИМПЕРАТОРСКОГО двора
КАБИНЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

23 Мая 1900 года

С.-Петербург

На прошение Ярославцевой о результатах дознания, произведенного Чиновником разных поручений Сергеевым по делу о незаконных действиях по службе бывшего Управляющего Медными рудниками Маляревского и Горного кандидата уставщика Ярославцева, Земельно-Заводской Отдел возвращает в Главное Управление Алтайского Округа Дознание, произведенное Чиновником разных поручений Сергеевым, вместе с тем прилагается для передачи, по принадлежности, формальное следствие Судебного Следователя Змеиногорского уезда по Делу о Горном Инженере Маляревском, обвиняемом по 283, 354, 362 и 404 ст. Улож. О Наказ.

Заведующий Отделом

Генерал-Майор Болдырев.

* * *

Дом уже был продан, а степной Омск навсегда покинут, Маруся ехала в поезде в незнакомый, далекий Петербург, глядела в окно на долгие-долгие пустые пространства, по которым в дождливом тумане медленно проплывали призраки прошлого. В том же вагоне ехали богатые казахи (в Омске

их называли киргизами), и гимназистке Мусе Ярославцевой вспомнилось, как год назад ездили они с матерью за реку, к киргизам в гости, о чем сделала она на следующий день запись в своем дневнике:

«Когда мы вошли в юрту, то я была поражена замечательной чистотой. На потолке были настланы ковры, на полу белая чистая кошма. Почти посредине юрты была занавеска от одного конца до другого. Я подошла и посмотрела, что там такое. Я увидела там женщин, богато одетых, которые пили чай. Одна из них мне бросилась в глаза, это была молодая киргизка, почти девочка, лет 15. Но что была она за красавица! Глаза задумчивые, огромные, черные. Ресницы длинные-длинные. Лицо ее было бледнее всех других и с выражением какой-то затаенной грусти. Она совсем не походила на обычную киргизку, скулы у нее не выдавались, глаза были не такие узкие, как обычно у киргизок. На ней была бархатная малиновая шапочка, обшитая серебряными монетками, которая ей очень шла. Я несколько раз приподнимала занавеску и подолгу смотрела на нее, не в состоянии оторвать глаз. Наконец, напившись чаю у них и закусивши баранины, мы пошли. Я еще раз посмотрела на нее, и мне почему-то сделалось так грустно...»

Дневник был заброшен – и через сто тринадцать лет я (М.Б.) найду в нем фотографию усатого красавца Орленева, засохшие листочки неизвестного мне дерева (попытаюсь, кстати, определить его чуть позже по фотографиям в энцик-

лопедии) и отрывок романа, в котором Муся Ярославцева описывает некую Катю, которая ждет домой мужа и которой досаждают Надежда Егоровна, о чем Катя взволнованно рассказывает вернувшемуся со службы мужу. Рассказ закончился так: «Катя не может успокоиться, она быстро ходит по террасе, щеки ее покраснелись, углы губ то и дело опускаются, словно у обиженного ребенка. “Да полно тебе из-за таких пустяков волноваться, – успокаивает ее Николай, – ну давай лучше обедать”. Варя подает обед. На террасу выходит Елена, сестра Павла, скромная, молчаливая, незаметная молодая девушка...»

Кто такие Надежда Егоровна и Павел, в отрывке не прояснено.

Первого мужа Муси будут звать Николаем. Но он, высланный из столицы математик, политический преступник, прошедший Бутырскую пересыльную тюрьму и каторгу, подточенный туберкулезом, проживет с молодой женой очень недолго, оставив ей несколько тетрадей со своими рассказами и повестями, которые, надеюсь, мне удастся разобрать, а может быть, потом что-нибудь из них и опубликовать. Хотя бы как документ времени.

Муся не вернется в Омск уже никогда.

А ведь переезд туда спас семью. Возможно, в Омске оставалась какая-то родня из Еропкиных-Бергов (хотя нигде никаких свидетельств о помощи родственников нет). Но именно в Омске на казенные благотворительные деньги сумела

вдова сугатовского управителя дать Сергею и Наташе классическое гимназическое образование, после которого они получили и высшее, уже в Санкт-Петербурге. И Муся ведь окончить успела четыре класса омской гимназии, потом доучивалась уже в петербургской, чтобы тоже, пойдя по стопам старшей сестры, окончить затем Высшие женские Бестужевские курсы.

И Муся больше не увидит Омск никогда.

Она едет в поезде, то открывая глаза и с грустью провожая сибирский пейзаж, для кого-то невыразительный, но милый ее сердцу, то снова погружаясь в сон – и какой-то худощавый мужчина уже балансирует на кромке сна, точно акробат на цирковом канате. Маруся никогда его не видела, а он, скользя по канату, хватается вдруг за кольцо, которое было на воротах их омского дома, – и падает на землю. А Маруся просыпается, это Наташа, смеясь, тормозит ее и предлагает выйти на станции, потому что стоянка долгая, в вагоне душно, а главное, можно купить только что испеченные пирожки, горячий картофель, от которого еще идет парок, и яблок... уже не сибирских. Пока Маруся спала – перевалили Урал. Это Казань.

* * *

30 Января 1888 года
В Главное Управление

Алтайского Горного Округа

Рапорт

Вследствие предписания Главного Управления от 23 Декабря 1887 года за № 16452, последовавшего на основании акта, постановленного Коллежским советником Г. Быстригиным 11 Сентября того же года, по проверке флюсов и медных руд Сугатовского рудника, примерно определенный Г. Быстригиным избыток во флюсах в 18 000 пуд. и медных рудах 2948 пуд. на приход по Сугатовскому руднику записан. О чем Главному Управлению имею честь донести и объяснить, что за точность избытка, как во флюсах, так и медных рудах, ручаться не могу, который может быть точно определен не иначе как по окончании отпуска всего количества руд и флюсов.

Управляющий К. Маляревский.

* * *

Из доклада горной конторе от 1 октября 1888 года:

«...за упорство неповиновения в заприходовании остатков руд Управляющий рудников посредством разных распоряжений, видимо, старался убрать Ярославцева с места его служения. В последнее время личные отношения обострились расчетами по общему компанейскому делу, по засеvu пшеницы, совершенно непричастными к служебным обязан-

ностям, и, как видно, вызвали отказ от службы.

Против этих выводов Управляющему Медными рудниками от 8 Мая, № 6137, было записано доставить объяснение, который в рапорте от 31-го числа того же месяца лично донес:

1. Удаление мной от службы Ярославцева последовало не по причине неисполнения Ярославцевым личных моих приказаний, а по причине различных злоупотреблений по службе, допущенных Ярославцевым, о которых мной сообщено было Главному Управлению в рапорте от 13 Мая 1887 года, за № 246.

2. Заявление Ярославцева, выраженное им в его докладной записке, голословно и носит чисто злостный характер.

3. Мотив подачи Ярославцевым докладной записки также неверен, что усматривается из предписания, данного Ярославцеву за № 183.

4. Ввиду того что докладная записка в своем содержании, кроме голословного обвинения, имеющего характер клеветы, никаких фактических данных не представляет, я (Маляревский) нахожу излишним изложение всяких дальнейших объяснений по поводу ея...»

Вследствие докладной записки (Ярославцева) было предписано 1 Августа того же года, по положению за № 10394 Управляющему Риддерским и Сокольным рудниками заверить при уполномоченном от Управляющего Медными рудниками наличность руд и флюсов Сугатовского рудника и о

результатах проверки составить акт, который представить в Главное Управление, каковой и представлен от 29 Октября того же года (неразборчиво. – *М.Б.*) следующего содержания: «Вследствие предписания Главного Управления Алтайского Горного округа от 1 Августа, № 10394, прибыв в Сугатовский рудник Сентября 11 дня вместе с командированным депутатом канцелярским служителем Беловым, была проведена за-верка наличности руд и флюсов Сугатовского рудника; на-личность руд и флюсов была следующая: медных руд по 1 Сентября значилось 37 052 пуд., флюсов 69 914 пуд. В чис-ле находящихся налицо 4 груды медных руд, имеющие более или менее правильную форму, по прежнему расчету должны содержать несколько более, чем значится на счету, то есть 40 000 пуд. вместо 37 052 пуд. Что же касается собственно флюсов, которых значится 69 914 пуд., то в действительности их будет, по-видимому, больше, именно до 90 000 пуд. Определить точное количество флюсов я не имел возможно-сти вследствие того, что форма этих груд весьма неправиль-ная, принимая в соображение, как видно из дел рудника, что с Сентября 1884 года по Сентябрь 1887 года добыто 338,8 куб. саж. И предполагая из куб. саж. выхода руд в 2000 пуд., должно было быть всего 677 600 пуд., то есть должно было быть добыто флюсов примерно 10–20 тыс. пуд., этому коли-честву примерно и соответствует действительное количество находящихся налицо флюсов.

Сопровождением копии этого акта № 16452 было пред-

писано Управляющему медными рудниками: излишек руд и флюсов записать на приход и донести с объяснением, сколько именно будет записано на приход руд и флюсов; но донесения не получено.

Тот же Ярославцев в прошении, полученном в Главном Управлении 1 сентября 1887 года, излагает предъявленные обвинения, сделанные Управляющим медными рудниками.

Присланные акты не выясняют положительных причин его, Ярославцева, устранения от службы.

Как совершенно обоснованно пишет Ярославцев: «Проступки большей важности по управлению медными рудниками допускаются на виду у всех, не вызывая преследований и устранений, и даже допускаются прямо в ущерб казенному делу; ввиду личной только, как, например, отлив воды Белоусовского рудника в 1886 году, устроенный для личной только выгоды Управляющего рудниками, под чужим именем держащего для отлива лошадей...»

Имею честь доложить на распоряжение и присовокупить, что для постановления по сему делу по выводам Управляющего медными рудниками и уставщика Горного кандидата Ярославцева необходимо провести правильное расследование.

Делопроизводитель Сергеев.

У Саввушкина озера вечера – точно волшебные картинки, кем-то нарисованные, а камни так странно, так причудливо встали, словно тоже не природой созданы, не ветром овеяны, не дождями омыты, а вольным камнерезом придуманы. Лампия стояла на берегу, держа за руку годовалую дочку. Ребенок умненький, Мусенька, уже немного говорила – даже рассказывала сказку: «Де би би би баба би би бим ико пао и абиось» – это про курочку и золотое яичко.

Одно мучило Лампию: и Сергей, и Наташа дети горного кандидата, управлявшего работами рудника, а Муся, получается, дочь уволенного из Горного ведомства, да еще как бы за провинности, а как ее в гимназию потом определять? Отец-то ведь, Никита Егорович, после смерти Олюшки и жены-старушки все свое состояние – вместе с тремя домами – сыну отписал. Лампии – ничего!

Может, попросить священника, отца Гавриила, пусть запись в церковной книге переделает на Олюшкин день рождения, сказать, что в память просит так вписать, любила ведь сильно Олюшку... Записать их двойней, парочкой... Отец Гавриил жалостливый, добрый... Лампия и сейчас едва не заплакала. Повлажнели глаза. Но высушил их ветер. Какие уж теперь слезы? Поселилась отравка в душе – горькая да смертельная.

– Смотри, Мусенька, на озеро, запоминай. Скоро мы уедем отсюда и никогда не вернемся. Отец твой от несправедливости, от муки долгого разбирательства, оттого, что на родной рудник Сугатовский его не вернули, заболел, детонька. Врач говорит, не выжить ему. А никого у нас больше здесь нет.

Девочка тронула ее за руку, словно утешая. Лампия присела перед девочкой, подобрав подол юбки.

– Смотри, Мусенька, какие красивые камни! – Через силу улыбнулась. – И станешь ты на два года старше... А что? Вон ведь какая умница-разумница, просто не по годам.

И девочка почему-то заулыбалась – точно что-то поняла.

* * *

Кронида не оставляли в покое. Присылали проверку за проверкой – сначала только на Сугатовский, а потом и на другие находящиеся в его управлении рудники, сверяли его отчеты и реальные данные, измеряя излишки руд и флюсов. От чтения рапортов, передаваемых в Главное управление Алтайского горного округа, у него уже стало падать зрение, а в его снах черные ящики громоздились один на другой, потом падали, разбивались, но появлялись вместо них новые и снова карабкались на соседние, точно совокупляющиеся черные жуки, елозя по каменному полу.

«...Ящик емкостью пол кубической сажени наполнялся

измеряемой рудой вровень с краями, затем оставшиеся промежутки между кусками руды наполняли измеренным объемом воды, до наполнения всех пустот, таким образом определялась сумма объемов кусков руды, из которой вычислялся средний вес кубической сажени руды: добытая на поверхность займет объем, в полтора раза больший, чем в месторождении, и составит на дневной поверхности 2077 пудов. Однако нужно принять во внимание, что сугатовская руда на воздухе после некоторого времени распадается в порошок, поскольку хранится не под крышею, а также то, что атмосферная вода ее выщелачивает и что она легко уносится сильными господствующими здесь ветрами, можно принять вес кубической сажени сугатовской руды и флюсов, сложенных на поверхности, в 2000 пудов».

* * *

Прислуга Кронида Агриппина вышла замуж за рабочего Сугатовского рудника Григория Маханова, того, что прибыл с рудника Белоусовского и, напившись, свидетельствовал против Ярославцева. Она возненавидела Кронида после страшной для нее ночи и, совершив грех, поставила две свечки в церкви: на него и на Лампию – за упокой, к распятию. Всю свою жизнь она будет жить этой ненавистью и воьет ее, как острие ножа, в свой генетический код.

А весельчак и пьяница Маханов устроился после рудника

на ловкое место: могильщиком на барнаульское кладбище. Агриппина стала городской и загордилась. Как-то вечером Григорий ей рассказал со смехом (его почему-то смешили покойники), что хоронили старушку, а гроб никак не могли поставить в яме прямо, он все время переворачивался. И какой-то дед объяснил, что ханшу хоронят, это, выходит, предки ее бунтуют против русского попа, оплакивают покойную.

– О-о-ой, ну и чего, Гринько, ты гуторишь? Чушь ведь, а? – Агриппина зевала, расплетая густые черные косы. После замужества она стала как-то вся поровнее, поженственнее. – Чушь ведь? – И хохотнула гортанно.

– А вот и нет, – возразил муж, – покойники – они что куклы, а души-то, души их, точно тебе скажу, силу потом над миром имеют!

Мать Лампии ушла из жизни так же тихо, как жила. Но гроб ее никак не могли опустить в могилу. Старик Карпов отвернулся от такого безобразия, сердито сказал сыну: «Косорукие! Косорукие да ленивые: как попало копали, вот и узко».

Он хотел было сразу переселиться к Саше в Змеиногорск, но передумал.

А Лампия уже несколько лет жила в Омске с младшей дочкой Марией и на похороны приехать не успела.

Дед о внучке не горевал. И пока жили вместе, ни разу не взял ее себе на колени.

– Не наша, – говорил, – чую.

– Ты просто Олюшку не можешь забыть, оттого и не принял родное дитя, – пытаюсь пробудить к малышке дедову любовь, говорила жена, – наша она, на Илью похожа...

Уеду с Алтая, решил Никита Егорович, вернувшись с похорон, в Томск поеду, а то и в Петербург... Не могу здесь.

* * *

Кронид опоздал. Дом был пуст.

* * *

Сначала Кронида просто сняли с должности управляющего рудниками и отправили в Петербург, переведя на мелкую службу, но почему-то не затонуло следственное дело, а все время всплывало и тянулось аж до 1901 (!) года: действия Кронида стали квалифицироваться не как служебные проступки, но как противозаконные. Ему грозила тюрьма. Он надеялся откупиться – благо российский чиновник любой ступени Табели о рангах на взятки падок. Пусть в конце концов он потерял все: и высокое положение, и деньги. Но тюрьма?!

Узнал ли он, что степная царица умерла?

И зачем он вообще приехал в Омск? Увидеть ее? Вряд ли. Хотя некоторая сентиментальность была ему присуща,

но долгая любовь вряд ли была в его стиле. Человек карьеры и авантюры, выше всего ставящий продвижение по служебной лестнице и деньги, он воспринимал любое чувство лишь как подспорье этому или как помеху. Но, с другой стороны, к тому моменту он уже потерпел полное жизненное крушение, карьера рухнула, и он пережил величайший позор. И приехал к Лампии уже никем – а точнее, просто обычным, пойманым за руку «прихватизатором», проигравшим в авантюрной игре и отступившим навсегда в тень.

* * *

Над Омском стелилась сизая степь, и в небесной степи паслась одинокая лошадь, которую охраняла серая мохнатая собака.

– Ницца! Ницца!

– Да помер пес твой, мил-человек. – На Кронида смотрел в упор бородатый оборванец. – Дай на хлеб!

– Иди отсюда!

– Я-то пойду, да и ты след в след за мной!

* * *

Старики колыванские говорили, что Кронид так и не женился. Двоюродная сестра Лампии, переехавшая сразу после

революции в Петербург с дочерью Женей, рассказала Наталье Ильиничне Ярославцевой-Паскевич, со слов домовладелицы Кондратьевой, что Кронид одиноко старился в полунищей комнате на окраине Петербурга. У него болели ноги, а потом отказала почка.

Так все-таки зачем он решил повидать Лампию?

Попросить прощения? Или решил, потерпев жизненный крах, прислониться к бедной вдове?

* * *

Глухов скончался восьмидесяти трех лет. А сначала засох тот самый любимый Марьей Гавриловной куст шиповника. Она пережила второго мужа на четырнадцать лет – и каждый день ждала письма от своего Крониды. Но так и не дождалась.

* * *

ДЕЛО «Главного Управления Алтайского округа по обвинению Горного кандидата уставщика Ярославцева в проступках по службе и по обвинению Горного инженера Маляревского сначала в проступках по службе, а потом в противозаконных действиях» было начато 29 апреля 1887 года, а закончено 12 апреля 1901 года.

7 ноября 1888 года

В Главное Управление Алтайского горного округа

Рапорт

Произведенное мною по предписанию от 13 Октября, за № 14.237 дознание на 52 нумерованных листах с приобщением к нему подлинного предписания, за № 14.237 и копии с разных бумаг, препровожденных ко мне при означенном предписании, всего, при особой описи, имею честь представить дело на восьмидесяти нумерованных, скрепленных и припечатанных листах.

Чиновник разных поручений Мих. Сергеев.

В результате эти восемьдесят нумерованных, скрепленных и припечатанных листов были переданы в суд, но это уже было «Дело о незаконных поступках инженера Маляревского», и вел его теперь не только чиновник Сергеев, но и следователь по Бийской округе. Постепенно в деле стали появляться и другие персонажи.

Окружной Конторы Главного Управления
Алтайского Горного округа

Доклад

25 Апреля 1890 года Его Превосходительству

Господину Начальнику Алтайского Горного округа

Выработанный в Окружной конторе проект (отпуск) представления в Кабинет ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА о беспорядках по управлению Риддерским, Сокольным и медными рудниками в бытность Управляющего оными Горного Инженера Маляревского и подлинное об этом дело, на 90 листах, при описи. Окружная Контора имеет честь представить Вашему Превосходительству по распоряжению Действительного Статского Советника Кобылина.

4 Апреля 1891 года

М.Ю.

Судебный следователь по Бийской Округе № 99.

г. Бийск Томской губ.

В Главное Управление Алтайского Горного Округа

На отношение Главного Управления Алтайского Горного Округа от 13 Марта 1891 года, за № 4281 имею честь уведомить, что дело по обвинению бывшего Управляющего медными рудниками Алтайского Округа Горного инженера Маляревского в злоупотреблениях по службе мною приостановлено за неспросом горного инженера Маляревского, местопребывание которого неизвестно, вследствие чего покорнейше прошу Главное Управление Алтайского Горного Округа уведомить меня о местопребывании означенного Маляревского.

И.д. судебного следователя Давидович.

Вполне вероятно, Маляревский неплохо приплатил Давидовичу, чтобы тот его вовремя потерял. Но дело все равно не заглохло, Маляревского нашли, расследование продолжалось.

Июль 7-го дня 1891 года

М.Ю.

Томский Губернский ПРОКУРОР

г. Томск

В Главное Управление Алтайского Горного округа

Вследствие отношения от 23 Февраля, за № 3442, имею честь уведомить Главное Управление, что дело по обвинению бывшего Управляющего медными рудниками Горного Инженера Маляревского в злоупотреблениях по службе прервано мною судебному следователю по Бийской округе 23 Ноября 1890 года за № 8279.

Губернский прокурор (подпись).

1 февраля 1892 года

В Главное Управление Алтайского Горного округа

Имею честь просить Управление выслать мне необходимые для производства следствия по делу о должностных преступлениях Инженера Маляревского следующие документы:

1. Книги записи на приход золота на Риддерском и Сокольном рудниках за Декабрь 1888 года и январь 1889 года.
2. Расходные документы на фуражное довольствие на

подъеме рудничном лошадей за 1886 год.

3. Рабочие журналы на добычу руд и кварца за Декабрь 1888 года и Январь 1889 года.

4. Сведения о том, оказались ли излишки руд и флюсов сверх записанного на приход Маляревским по окончании отпуска и если оказались, то какие.

При сем имею честь уведомить Управление, что мною вместе с сим особою посылкою возвращаются: расходные денежные документы по Риддерскому и Сокольному рудникам за Февраль 1889 года (на 64 листах), за Март 1889 года (на 110 листах) и рабочие мои расчеты за Февраль 1889 года (на 361 листе) – все за печатью и шнуром Управления, о получении которых прошу не оставить уведомлением.

И.д. Судебного Следователя (подпись).

* * *

Не ходи старыми тропами, беглец, точно предупреждал ветер. А какие здесь сильные да вольные ветра, возле холма, на который взбежал Сугатовский! Они, свернувшись, дремлют, а потом, очнувшись, кидаются вверх и уж на славу резвятся на холме – все дни напролет. А что ветрам теперь не резвиться здесь – ведь рудник закрыли. Перестал давать людям из недр и серебро, и медь – точно отрезало. Старухи шемонаевские говорили, хозяина своего доброго, видно, шибко любил, вот из-за него и отказал! Отомстил то есть. А быв-

шая прислуга управляющего Агриппина пустила по канавам черный слух, что жена невинно оклеветанного и уволенного Ильи Ярославцева рудник заговорила. Мол, к настоящему шаману на дальний конец Алтая ездила. Сам-то уставщик болен, уж почти год, как в бреду, а рудник его точно и впрямь заговоренный! Новый-то уставщик, Антипин, как ни бился – пусто! А вона сколь давал излишков даже, чуть прохвост этот управляющий не озолотился. Но встал наш Илья разбойнику этому поперек дороги. Уволили его, оговорили, разорил семью негодяй казнокрад, все у них забрал – да и ему ничего не достанется. Пусто теперь здесь. Лишь ветра гуляют. Да порой бергала тень мелькнет.

И поля в округе ярославцевские больше некому засевать.

А столетний старOVER, расколоучитель, угодник, праведник, подвижник Тимофей Силантьевич Белозеров так сказал: «Рудник больше ничего не дает. Значит, Бог так решил».

Лампия плакала, но слез ее он не заметил: в моленной всегда было сумрачно. Стены, темно-зеленые, с синими цветками, дымящаяся кедровой серой кадилъница – все так не походило на праздничность обычной православной церкви. Иконы стояли на окошках, темные от давности, на некоторых и лица святых почти стерлись, но сила от икон исходила могучая – так показалось Лампии.

Не ходи старыми тропами, беглец, хоть и держишь ты путь по горам да через дебри к святому Беловодью. Но не слушает бородатый беглец советов ветра, нет в душе его покоя, нет

тишины, чтобы прислушаться: не дождалась его зазноба, любовь его ненаглядная, умерла молодой, одна теперь буйная, вольная силушка в сердце беглеца – силушка отчаянная...

Взяли его казаки на рассвете, когда спал, схоронясь в пещере.

* * *

А следствие по делу Маляревского все длилось.

15 Октября 1893 года

Главному Управляющему Алтайского горного Округа

На отношение Главного Управления Алтайского горного Округа от 14 июля и 6 Октября с.г. за № 13214, 19073 имею честь уведомить, что состоящее в моем производстве Дело о незаконных действиях Горного Инженера Маляревского и бывшего лесника Ефима Стукалова имеет быть окончено в непродолжительном времени.

И.д. Судебного Следователя (подпись).

Однако и к 27 сентября 1894 года ничто еще не завершено. И Главное управление Алтайского округа обращается к товарищу томского губернского прокурора Бийской волости с просьбой оказать содействие следствию и лично следователю в скорейшем окончании названного дела.

Как я понимаю, г-н Маляревский крутился ужом на сковородке, отвергая, опровергая, доказывая. Он был весьма

неглуп, и доказать его вину было непросто.

Проходит еще два года...

6 Сентября 1896 года

Министерство ИМПЕРАТОРСКОГО двора

КАБИНЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Земельно-Заводской Отдел

№ 10356

Санкт-Петербург

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.